А. В. Демкин

«Дней Александровых прекрасное начало»

Внутренняя политика Александра I в 1801–1805 гг.

Андрей Дёмкин

«Дней Александровых прекрасное начало…»: Внутренняя политика Александра I в 1801–1805 гг.

«Кучково поле»
2012

УДК 94
ББК 63.3(2)47

Дёмкин А. В.

«Дней Александровых прекрасное начало…»: Внутренняя политика Александра I в 1801–1805 гг. / А. В. Дёмкин — «Кучково поле», 2012

ISBN 978-5-9950-0280-2

В предлагаемой вниманию читателя книге автор впервые в полном объеме исследует внутреннюю политику императора Александра I начального периода его царствования (1801–1805).

УДК 94
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-9950-0280-2

© Дёмкин А. В., 2012
© Кучково поле, 2012

Содержание

Введение 5
Глава первая 8
Глава вторая 18
Глава третья 30
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Андрей Демкин «Дней Александровых прекрасное начало…»: Внутренняя политика Александра I в 1801–1805 гг.

Введение

В предлагаемой вниманию читателя работе исследуется внутренняя политика первых лет царствования Александра I: 1801–1805 гг. Именно об этих годах А. С. Пушкин писал в стихотворении 1822 г. «Послание цензору»: «Дней Александровых прекрасное начало…». В то же время этот период и начался, и закончился для самого Александра Павловича сильными переживаниями. При всей внутренней готовности двадцатитрехлетнего молодого цесаревича занять российский престол страшная гибель отца – Павла I, буквально забитого насмерть заговорщиками ночью 12 марта 1801 г., не могла не вызвать сильного психологического потрясения. Подобным же образом закончилась для Александра I и Аустерлицкая битва 2 декабря 1805 г.: император мог попасть в плен, погибнуть на поле боя или во время беспорядочного отступления русско-австрийских войск. Хорошо известно, что А. С. Пушкин негативно относился к Александру I, который у него – «кочующий деспот» («Сказки», 1818). А эпиграмма 1825 г. говорит сама за себя:

Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был капитаном:
Под Австерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал,
Зато был фрунтовой профессор!
Но фрунт герою надоел —
Теперь коллежский он асессор
По части иностранных дел!

Поэт восторженно относился к первым годам царствования императора, потому что внутренняя политика того времени имела либеральные черты и обозначила вектор движения самодержавия в сторону конституционной монархии (движения, к сожалению, прерванного).

Интерес к личности императора Александра I достаточно высок. Он подогревается загадочностью облика этого государя (одно из его прижизненных прозвищ – Сфинкс), а также легендой об уходе в народ под именем старца Федора Кузьмича. Как видно из названия книги, мы не собираемся представить читателю еще одну работу об Александре I – государе и человеке. Нас интересует внутренняя политика российской власти, которую, конечно, направлял император (только в этой связи мы обращаемся к его характеристике). Поставленная как специальная, данная тема является неисследованной, хотя в ряде работ авторы к ней подходят.

Обратимся к историографии. По значимости для нашей темы мы выделяем книги М. И. Богдановича и К. Н. Шильдера. С одной стороны, в них подробно описывается жизненный путь Александра Павловича, а с другой – не менее подробно представлены внутри- и внешнеполитические проблемы страны. К тому же они охватывают весь период царство-

вания этого монарха. По нашему мнению, именно данные авторы более всех подошли к раскрытию темы внутренней политики[1].

Обобщающие исторические труды Н. М. Карамзина, В. О. Ключевского, А. А. Корнилова, Г. В. Вернадского, четвертый том многотомной Истории СССР с древнейших времен до наших дней и труды С. Б. Окуня в большей или меньшей степени затрагивают интересующие нас проблемы. Они ценны для нас тем, что вписали их в общий контекст истории XIX столетия[2].

Не менее значимы работы, исследовавшие проблематику реформ и общественного движения в России в александровское царствование. Мы имеем в виду труды А. Н. Пыпина, В. И. Семевского, А. В. Предтеченского, Н. В. Минаевой, М. М. Сафонова и С. В. Мироненко[3].

Имевшие в большей степени биографический характер книги великого князя Николая Михайловича, А. Е. Преснякова и А. Н. Сахарова отнюдь не зацикливаются на личности Александра I, но поднимают и важные политические проблемы[4].

На рубеже XIX–XX вв. был написан целый ряд юбилейных трудов различных государственных ведомств: Государственного совета, Сената, Комитета министров, министерств военного, морского, внутренних дел, финансов, юстиции, народного просвещения, а также Лесного департамента и Ведомства путей сообщения. Все они содержат ценные сведения о состоянии и работе соответствующих органов в рассматриваемое нами время[5].

Достаточно обширен список трудов, использованных нами для выяснения отдельных вопросов. По сельскому хозяйству и крестьянству, торговле, банковскому делу и путям сообщения привлечены третий том Истории крестьянства России, а также книги автора этих строк, С. А. Покровского, С. Я. Борового и Э. Г. Истоминой. Государственная политика, система государственного управления и ведение военной кампании 1805 г. описаны у О. И. Елисеевой, А. Г. Звягинцева и Ю. Г. Орлова, Л. Ф. Писарьковой, великого князя Николая Михайловича, С. М. Соловьева, В. А. Томсинова, Е. В. Мезенцева и Д. З. Фельдмана.

---

[1] Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1869. Т. 1; Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. 1–2; Он же. Император Павел Первый. М., 1996.

[2] История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 4; Окунь С. Б. История СССР (лекции). Конец XVIII – начало XIX века. Л., 1974. Ч. 1; Карамзин Н. М. История государства Российского. Тула, 1990. Т. X–XII. С. 496–549; Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн. 3; Вернадский Г. В. Русская история. М., 2002; Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 2004.

[3] Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1900; Семевский В. И. Либеральные планы в правительственных сферах в первой половине царствования императора Александра I // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. М., 1911. Т. 2; Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М. – Л., 1957; Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982; Она же. Век Пушкина. М., 2007; Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988; Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

[4] Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. 1; Пресняков А. Е. Александр I. Пб., 1924; Сахаров А. Н. Александр I. М., 1998.

[5] Столетие учреждения Лесного департамента. 1798–1898. СПб., 1898; Краткий исторический очерк развития и деятельности ведомства путей сообщения за сто лет его существования (1898–1898). СПб., 1898; Государственный совет. 1801–1901. СПб., 1901; Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 1; Столетие Военного министерства. 1802–1902. Исторический очерк развития военного управления в России. СПб., 1902. Т. 1; Огородников С. Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования (1802–1902). СПб., 1902; Министерство внутренних дел. Исторический очерк. СПб., 1902; Министерство финансов. 1802–1902. СПб., 1902. Ч. 1; Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902; Столетие Военного министерства. 1802–1902. Конспекты исторических очерков столетия Военного министерства. СПб., 1906; История Правительствующего сената за двести лет. 1711–1911. СПб., 1911. Т. 3; Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. М., 2001.

Отношение Н. М. Карамзина к происходившим событиям и деятельность В. Н. Каразина представлены в трудах А. И. Герцена, М. Погодина, Ю. М. Лотмана и Л. Г. Кислягиной[6].

Использованные в нашей работе источники весьма разнообразны. Во-первых, это распоряжения верховной власти: именные, сенатские и синодские указы, высочайше утвержденные доклады Сената и министров. Они опубликованы в трех томах Полного собрания законов Российской империи. Мы имеем дело именно с распоряжениями по различным вопросам внутренней политики. Количество нормативных юридических документов среди них крайне невелико[7]. Впервые нами задействованы все материалы томов (за исключением немногих, имеющих не политическое, а сугубо частное значение).

Далее по важности следует поместить Архив Государственного совета, бумаги Комитета 6 декабря 1826 г., касающиеся преобразования высшего государственного управления, журналы заседаний «Негласного комитета», проекты и записки М. М. Сперанского, В. П. Кочубея, Н. С. Мордвинова, А. Р. Воронцова, письма Александра I Ф. С. Лагарпу, переписку П. В. Завадовского с А. Р. и С. Р. Воронцовыми[8]. Для выяснения многих вопросов политической и культурной жизни важны мемуары Г. Р. Державина, А. Чарторыйского, Ф. Ф. Вигеля, П. Г. Дивова, В. Н. Головиной, Е. Р. Дашковой, Е. Ф. Комаровского, Р. С. Эдлинг, С. Шуазель-Гуфье и неизвестного саксонского дипломата[9]. Для оценки общественного мнения небесполезны стихи Д. В. Давыдова, издаваемый Н. М. Карамзиным журнал «Вестник Европы» и курируемый властями «Северный вестник»[10].

---

[6] Герцен А. И. Император Александр I и В. Н. Каразин // Полярная звезда. 1862. Кн. 7. Вып. 2; Погодин М. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. 1; Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи Александра I. СПб., 1903. Т. 2; Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947; Лотман Ю. М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789–1803) // Ученые записки Тартусского государственного университета. Тарту, 1957. Вып. 51; Боровой С. Я. Кредит и банки в России (середина XVII в. – 1861 г.). М., 1958; Кислягина Л. Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина (1785–1803). М., 1976; Истомина Э. Г. Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. М., 1982; Томсинов В. А. Светило российской бюрократии. Исторический портрет М. М. Сперанского. М., 1991; История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. Т. 3; Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Око государево. Российские прокуроры. XVIII век. М., 1994; Они же. Тайные советники империи. Российские прокуроры. XIX век. М., 1995; Соловьев С. М. Император Александр I. Политика, дипломатия. М., 1995; Демкин А. В. Британское купечество в России XVIII века. М., 1998; Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007; Мезенцев Е. В. Война России с наполеоновской Францией в 1805 году (действия русской армии в составе 3-й антифранцузской коалиции). М., 2008; Фельдман Д. З. О влиянии войны 1806–1807 гг. на положение еврейского населения Российской империи // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М., 2008. Вып. 7 (Труды ГИМ. Вып. 179); Елисеева О. И. Екатерина Великая. М., 2010.

[7] Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). СПб., 1830. Т. 26–28.

[8] Извлечения из заседаний «Неофициального комитета» // Богданович М. И. Указ. соч.; Письма императора Александра I и других особ царственного дома к Ф. Ц. Лагарпу // Сборник РИО. СПб., 1870. Т. 5; Архив князя Воронцова. Кн. 11–12; М., 1883. Кн. 29; Архив Государственного совета. СПб., 1878. Т. 3. Ч. 1; Бумаги Комитета 6 декабря 1826 года, касающиеся преобразования высшего государственного управления // Сборник РИО. СПб., 1894. Т. 90; Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 3; Сперанский М. М. Проекты и записки. М. – Л., 1961.

[9] Дивов П. Г. Повествование о царствовании императора Александра I для него одного писанное // Русская старина. 1899. Октябрь; Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. М., 1912. Т. 1; Дашкова Е. Р. Записки. 1743–1810. Л., 1985; Державный сфинкс. М., 1999; Державин Г. Р. Записки. 1743–1812. М., 2000; Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. М., 2000; Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2003. Кн. 1.

[10] Вестник Европы. 1802. Январь. Ч. 1; Северный вестник. СПб., 1804. Ч. 1; Давыдов Денис. Сочинения. М., 1962.

Глава первая
Александр I как политический деятель

На формирование характера Александра Павловича решающее влияние оказали взаимоотношения его бабки – императрицы Екатерины II и отца – цесаревича Павла Петровича. В 1762 г. политическая группировка воспитателя цесаревича Н. И. Панина ратовала за провозглашение императором восьмилетнего мальчика, а матери – Екатерине Алексеевне – была уготована роль регентши до совершеннолетия сына. Но Екатерина сумела воспользоваться выгодной политической ситуацией и в 1762 г. вступила на российский престол самодержавной императрицей Екатериной II.

Когда в 1772 г. Павлу Петровичу «справили совершеннолетие», ничего не изменилось. Императрица не «поделилась с сыном властью». С этого момента стало нарастать реальное отчуждение матери и сына: Екатерина знала, что вокруг Павла группируются недовольные ее правлением, а цесаревича все более угнетала мысль, что им нарочно пренебрегают. Когда от второго брака Павла Петровича с Марией Федоровной 12 декабря 1777 г. родился первенец – Александр, не исключено, что императрица уже задумывалась о непередаче престола чуждому ей по духу сыну. Александра, как и родившегося 27 апреля 1779 г. Константина, Екатерина II стала воспитывать так, словно это были ее собственные дети, при этом от родителей мальчиков не изолировали[11].

Скорее всего, Александру уже с рождения Екатериной II была уготована роль наследника. Константина, как известно, она прочила в государи с престолом в Константинополе в соответствии с проектами Г. А. Потемкина[12]. Иначе бы императрица оставила обоих внуков на попечение их родителей. Тогда бы Александр и Константин воспитывались как обычные немецкие принцы, по типу их младших братьев – Николая и Михаила. Понятно, что чуткая придворная среда, в которой с первых лет жизни вращался Александр, не могла не передать ему ощущение себя неофициальным наследником престола Екатерины Великой.

Все мемуаристы подчеркивали, что Екатерина II любила Александра и видела в нем чуть ли не собственное отражение. Она говорила, что ее маленький внук «мог послужить художнику моделью купидона». Не было недостатка в славословиях в адрес царевича-ребенка: его внешняя красота гармонировала с красотой его души, его кротость влекла к нему всеобщую любовь и т. д. Но мальчик рос непростой. Характер Александра был много сложнее брата Константина: последний резкостью, прямолинейностью напоминал отца.

В 1784 г. к Александру и Константину приставили наставника – генерал-адъютанта Николая Ивановича Салтыкова. Почему Екатерина II выбрала именно этого человека на роль наставника столь дорогих ее сердцу внуков? Салтыков был человеком заурядным – на это обращали внимание мемуаристы, а вслед за ними и исследователи. Признавая его искушенность в придворной науке, ловкость, угодливость и преданность императрице, над генерал-адъютантом обычно подтрунивают: он «делал, что говорила жена, подписывал, что подавал секретарь». По замечанию одного из преподавателей великих князей – Массона, «главное занятие Салтыкова при великих князьях состояло в том, чтобы предохранить их от сквозного ветра и от засорения желудка». Графиня В. Н. Головина называла Н. И. Салтыкова «коварным и лукавым интриганом». Она, а вслед за ней историк Н. К. Шильдер придают фигуре воспитателя гораздо большее значение. Салтыков являлся гофмаршалом

[11] Ключевский В. О. Указ. соч. С. 223; Шильдер Н. К. Император Павел Первый. С. 34, 83, 138; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 24–27; Державный сфинкс. С. 240; Елисеева О. И. Указ. соч. С. 163–166, 187–190, 381, 397.

[12] Елисеева О. И. Указ. соч. С. 432.

«малого» двора (то есть двора Павла Петровича) и был в милости у цесаревича. Воспитатель старался лавировать между «большим», императрицыным двором и двором «малым». Это, разумеется, было известно Екатерине II и устраивало ее. Однако худшие черты характера Александра-мальчика – скрытность, умение лицемерить – проистекают от наставлений Салтыкова. Ребенку нужно было научиться нравиться и бабке, окруженной «изящной и безнравственной» толпой придворных, и отцу с его салдафонскими замашками.

Считается, что подбор преподавателей Александра и Константина был удачным: крупный географ Паллас, учитель русского языка и истории известный писатель М. Н. Муравьев (между прочим, отец будущих декабристов), учителя математики и физики Массон и Крафт и т. д. Наконец, сама Екатерина II немало усилий потратила на воспитание и обучение внуков: от определения принципов нравственного воспитания, сформулированных в специальной «Азбуке», до собственноручно написанных сказок[13].

Сам Александр подчеркивал, что из учителей наибольшее влияние на него имел швейцарец Фридрих Сезар Лагарп. Современники недоумевали: зачем императрица пригласила известного своими республиканскими взглядами иностранца в качестве педагога к внукам-царевичам? Лагарпа Екатерине II порекомендовал ее давний европейский корреспондент барон Гримм. Швейцарец должен был послужить для Александра и Константина проводником политико-философских просветительских взглядов. Императрица отнюдь не чужда была идеям Просвещения. Она понимала, что в конце XVIII в. самодержавие и крепостное право в России – анахронизм. Но реальная жизнь не давала возможности уйти от этих средневековых институтов. Екатерина II осознавала, что Александру придется царствовать в XIX столетии, и желала, чтобы он был воспитан и образован как современный человек. Республиканизм Лагарпа ее, очевидно, не пугал: самодержавная Россия не могла перескочить к республике, минуя стадию конституционной монархии. Возможно, именно последней виделась Россия Екатерине Великой в XIX в. Учителем царевичей Лагарп стал уже в 1782 г., когда Александру шел пятый, а Константину – третий год. Поначалу он занимался с ними французским языком, а с 1784 г. начал внушать мальчикам благородные просветительские идеалы. Самого Лагарпа современники характеризовали как высокообразованного, благородного и романтически настроенного наставника. И он старался внедрить в умы и сердца своих маленьких слушателей представления о человеческом благе, гражданских свободах, равенстве людей, справедливости, непринятии деспотизма и рабства.

Надо сказать, Александр (в отличие от Константина) воспринимал это всерьез. Между ним и Лагарпом установились вполне доверительные отношения. Десяти – тринадцатилетний Александр в своих записках наставнику откровенно признавался в собственной лености и эгоистичности. Он вполне осознавал свое особое положение «принца», который довольно самолюбив и не считает нужным с кем-либо соревноваться в учебе. Известно, что Французская революция была встречена великими князьями заинтересованно. В 1791–1792 гг. они сочувствовали объявленному равенству между людьми, критиковали старый монархический порядок, напевали во дворце революционные песни, показывали придворным трехцветные республиканские кокарды и спорили с ними о правах человека. Сама Екатерина II дала Александру прочитать текст конституции и конфиденциально с ним беседовала как с вероятным наследником престола.

Многие влияние Лагарпа на Александра оценивали негативно из-за восторженных либеральных мечтаний царевича, которые считались неуместными в России. Несмотря на все усилия по воспитанию и обучению Александра и его брата, их результаты оцениваются

[13] Богданович М. И. Указ. соч. С. 2–3, 14–16, 20; Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 17, 19–20; Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 1. С. 29–34; Ключевский В. О. Указ. соч. С. 378–380; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 29, 34–42; Державный сфинкс. С. 240; Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. С. 74; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 99–101.

авторами невысоко. По выражению В. О. Ключевского, все было «слишком хлопотливо». Александр обладал умом и дарованиями, «быстро схватывал всякую мысль», но вскоре остывал, не умея сосредоточиться на длительной и серьезной работе. Бросались в глаза поверхностность знаний и отмеченные самим царевичем леность, эгоизм и самолюбие[14]. К своему совершеннолетию (шестнадцатилетнему возрасту) царевич Александр Павлович представлял собой натуру противоречивую. С одной стороны, он был умен, скрытен, склонен к лицемерию (стремление нравиться «и вашим, и нашим»), самолюбив, эгоистичен, ленив, поверхностен в усвоении знаний, а с другой – охвачен либеральными идеями, отличался романтическими порывами, не желал быть деспотом на троне.

Красивый молодой царевич, любимец бабки-императрицы, безусловно, не имел недостатка в женском внимании, особенно в условиях гедонистического екатерининского двора. Императрица постаралась ограничить эти юные порывы внука посредством ранней женитьбы. На пятнадцатом году жизни нашего героя, осенью 1792 г., по приглашению Екатерины II в Петербург приехали баденские принцессы, на одной из которых – четырнадцатилетней Елизавете Алексеевне – 28 сентября 1793 г. еще не справившего шестнадцатилетие Александра женили. Понятно, что подобная спешка имела веские политические причины. Со своим сыном Павлом Екатерина II не торопилась (женила его восемнадцатилетним), а с внуком даже не дотерпела до формального достижения им совершеннолетия, и его парой стала четырнадцатилетняя девочка. А все вопрос о престолонаследии!

В 1793 г. Екатерина II решила-таки всерьез обратиться к этой теме. Через три недели после бракосочетания внука, 18 октября, она пригласила к себе Лагарпа, чтобы заручиться его поддержкой в уговорах Александра Павловича пойти на занятие престола в обход отца. Видимо, Александр не соглашался. Поскольку уговоры его бабки-императрицы не приводили к цели, нужно было привлечь к этому процессу его наставника, пользующегося влиянием на молодого царевича. Но Лагарп не согласился, объяснив это принципиальной невозможностью для себя содействовать придворным интригам. При этом он реально боялся за свою жизнь в случае, если заговор не удастся и все свалят на него – беззащитного иностранца. Подмечено было даже стремление Лагарпа способствовать сближению Александра с отцом, Павлом Петровичем.

В 1794 г. состоялось заседание Совета при высочайшем дворе, на котором Екатерина II прямо заявила о желании видеть своим наследником на престоле внука Александра. Совет чуть было не поддержал государыню, но помешало высказанное сомнение то ли графа В. П. Мусина-Пушкина, то ли графа А. А. Безбородко. Полагаем, что именно последний осмелился возражать императрице как фигура наиболее влиятельная в Совете (да и по восшествии на престол Павла I именно Безбородко, единственный из екатерининских вельмож, был буквально осыпан милостями: назначен государственным канцлером, возведен в княжеское достоинство и т. д.). Безбородко, по-видимому, уже тогда «играл» за Павла Петровича. Он также мог опереться на нежелание Александра отстранить от престола отца.

Возникает вопрос: почему Екатерина II в 1794 г. отступила, почему самодержавная государыня, как говорится, «не ударила кулаком по столу» и не приказала делать все так, как она хочет? Исследователи отмечают, что шестидесятипятилетняя императрица была уже не та, что прежде. После смерти в 1791 г. ее фактического соправителя и неофициального мужа светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического, Екатерина сильно сдала и морально, и

[14] Герцен А. И. Указ. соч. С. 12–13; Богданович М. И. Указ. соч. С. 14; Письма императора Александра I и других особ царственного дома к Ф. Ц. Лагарпу // Сборник РИО. Т. 5. С. 4–13; Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 17–28; Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 1. С. 35, 39–43; Семевский В. И. Указ. соч. Т. 2. С. 153–154; Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. 1. С. 1–2; Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 29–30; Ключевский В. О. Указ. соч. С. 378–380; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 43–48; Державный сфинкс. С. 240. Корнилов А. А. Указ. соч. С. 100–102.

физически. Ее фаворит П. А. Зубов не мог послужить ей опорой в государственных делах. Поэтому Екатерина II предпочла в 1794 г. не настаивать, хотя от своего плана престолонаследия не отказалась. Лагарпа же, не оправдавшего ожиданий, уволили с поста учителя великих князей под предлогом, что они уже выросли и в нем больше не нуждаются. При этом Александр Павлович, уже женатый человек, продолжал с трогательной заботой обращаться к Лагарпу, прося в записках извинения, что не может с ним встретиться из-за болезни супруги. Когда же царевич узнал об отставке наставника, он выразил «скорбь» по этому поводу, а также прямо написал, что должен отныне «оставаться один при этом дворе, который я ненавижу». В других записках Александр убеждал Лагарпа, что «обязан вам всем, кроме рождения», и что будет его «почитать… до последнего издыхания»[15]. 1795 год стал важной вехой в развитии Александра Павловича как личности. «Батюшка» настоял, чтобы Александр и Константин вместо одного раза стали приезжать в Гатчину четыре раза в неделю. Там они должны были часами участвовать в экзерцициях павловских гатчинских «потешных» войск, командуя батальонами. То есть наш герой втянулся в настоящую военную службу. Почему Екатерина II пошла на это? Она не могла не понимать, что, проводя таким образом время, ее внук неизбежно сблизится с отцом. Может быть, она считала, что Александр, воспитанный под ее руководством, достаточно «привит» от язвы солдафонства? Но тогда она ошибалась. Несмотря на то что наш герой оглох на левое ухо, стоя у самых пушек во время стрельбы, он с гордостью сообщал в письме Лагарпу, что действительно служит по военной части.

В том же 1795 г. Александр Павлович познакомился с польским аристократом князем Адамом Чарторыйским. Последний вместе с братом приехал в Петербург по семейным делам: после раздела Польши имения семьи попали под секвестр, и Екатерина II обещала вернуть их только в случае приезда братьев в столицу. То есть Чарторыйские в Петербурге находились на положении привилегированных заложников. Жаловаться на то, как приняло польских аристократов петербургское общество, они не могли. Вскоре Адам Чарторыйский сблизился с Александром Павловичем. В своих мемуарах поляк упоминает о частых беседах с глазу на глаз с русским царевичем в 1796 г. Александр признавался своему визави, что не поддерживает политику Екатерины II, и высказывал осуждение по поводу раздела Польши. Любимец бабки-императрицы подчеркивал, что ненавидит деспотизм и любит свободу. Не одобряя ужасов Французской революции, Александр желал успехов республиканскому правительству. Не преминул царевич выразить и свое восторженное отношение к Лагарпу. Причем его взгляды, по его свидетельству, разделяла и жена – Елизавета Алексеевна. Чарторыйский был сильно удивлен тем обстоятельством, что наследник Екатерины II «отрицал и ненавидел» ее убеждения.

Интимность отношений польского аристократа и русского царевича усугублялась. В их встречах участвовала и супруга Александра. Чарторыйский сделал вывод, что последний – «выученик 1789 г.»: он считал республику лучшей формой правления. Царевич также высказывался против наследования престола и за народный выбор властей. Подобные признания наш герой делал не только Адаму Чарторыйскому. Он переписывался с Лагарпом и В. П. Кочубеем (послом в Константинополе). Александр ругал существующие порядки, сетовал, как бы сейчас сказали, на коррупцию чиновников и пытался убедить своих слушателей и корреспондентов в желании вместе с женой бросить все и поселиться на какой-нибудь уединенной ферме не то в Швейцарии, не то в Германии[16].

---

[15] Письма императора Александра I и других особ царственного дома к Ф. Ц. Лагарпу // Сборник РИО. С. 14–22; Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 28–29; Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 1. С. 79, 103–107; Он же. Император Павел Первый. С. 241–247; Ключевский В. О. Указ. соч. С. 381; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 61–62; Державный сфинкс. С. 241; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 102; Елисеева О. И. Указ. соч. С. 587–589.

[16] Герцен А. И. Указ. соч. С. 14; Письма императора Александра I и других особ царственного дома к Ф. Ц. Лагарпу // Сборник РИО… С. 24; Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 29–35; Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 1. С. 98, 112,

Таким образом, Александр Павлович в последний год жизни Екатерины II резко критиковал ее политику. В этом он все более сходился с отцом – Павлом Петровичем. Окружающие, в частности А. Чарторыйский, отмечали, что царевичу нравится гатчинская служба. Правда, в этом видели скорее некую «игру», желание утвердить свое мужское начало. Екатерина II знала о сближении отца с сыном, гневалась по этому поводу, но своих планов по престолонаследию не изменила. Она сравнивала сына Павла на престоле с его отцом и своим мужем – Петром III и не желала подчинения русской политики интересам немецкой родни. В своем кругу она называла Павла Петровича и Марию Федоровну «немцами» и замечала, что не хочет, чтобы власть перешла в их руки. Императрица в 1796 г. не раз заводила все тот же разговор с Александром, безуспешно пыталась давить на сына Павла через его жену – Марию Федоровну, чтобы Павел сам отрекся от престола. Александр же обо всем рассказывал отцу.

16 сентября 1796 г. Екатерина II имела с внуком, по-видимому, последнюю беседу по этому поводу. Александр Павлович свой ответ на очередное предложение бабки подал в форме письма 24 сентября. Н. К. Шильдер считал, что текст письма царевич согласовал если не с отцом, то с матерью. И этот текст содержал в себе благодарность внука за доверие бабки. На самом деле Александр уже твердо решил не «перебегать дорогу» отцу. Существует также легенда о данной Александром соответствующей клятве Павлу в присутствии А. А. Аракчеева. Историк великий князь Николай Михайлович, впрочем, отрицает, что упомянутое письмо Александра написано с согласия родителей и что Аракчеев мог быть свидетелем символической клятвы. Почему же все-таки Александр Павлович отказался от многократных и настойчивых предложений Екатерины II стать ее преемником на престоле? Хорошо известно, что честолюбие и властные амбиции были вполне ему свойственны. Возможно, на его решение повлияли проснувшееся уважение к родителям и обида на бабку за то, что она мешала проявлению отцовской и материнской любви, необходимой ребенку. А может быть, Александр в девятнадцать лет не желал становиться новым деспотом (правление Екатерины II он расценивал как деспотическое). Ко всему тому наш герой вел достаточно обычный для того времени образ жизни: увлекался женщинами, имел любовниц, а его жена состояла в связи с А. Чарторыйским. Противоречивость натуры Александра Павловича, отмеченная нами ранее, к моменту кончины Екатерины II 6 ноября 1796 г. еще более усугубилась: от высказывания либеральных идей и сочувствия республиканизму до увлечения военными экзерциями и вахтпарадами[17].

Известно, что в оставшихся от Екатерины II документах, в которых была сформулирована ее последняя воля, упомянуты ее старшие внуки: Александр и Константин, но нет места сыну и невестке – Павлу Петровичу и Марии Федоровне. Екатерина расценила тон письма Александра Павловича от 24 сентября как согласие на ее предложение (на самом деле внук применил тактическую уловку, чтобы не тревожить бабку). Если бы два фактических душеприказчика усопшей императрицы – ее секретарь граф А. А. Безбородко и фаворит князь П. А. Зубов – проявили твердость и должную энергию, то Павел мог бы и не стать императором. Отказ Александра можно было бы парировать фразой, сказанной ему ночью 12 марта 1801 г. графом Паленом (об этом будет сказано ниже). Но Безбородко, как мы знаем, давно уже стоял на стороне Павла, а Зубов проявил свою обычную бесхарактерность. Эти два дея-

114, 116, 119; Он же. Император Павел Первый. С. 247–249; Семевский В. И. Указ. соч. С. 154–155; Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. С. 33, 36, 69, 83–96; Ключевский В. О. Указ. соч. С. 383–384; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 43–46; Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. С. 117; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 105.

[17] Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 1. С. 120–132; Он же. Император Павел Первый. С. 243, 252–257; Мемуары князя Адама Чарторыйского. С. 97–101; Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. С. 3; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 49–58, 62–63; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 105; Елисеева О. И. Указ. соч. С. 592.

теля уже 6 ноября передали Павлу все бумаги Екатерины II, касающиеся престолонаследия, он их тут же сжег и расчистил себе путь к трону.

В нашу задачу не входит оценка царствования Павла I. Отметим лишь, что он старался изжить из всех сфер дух екатерининской политики и проявил себя на престоле подлинным деспотом. Казалось бы, Александр Павлович мог чувствовать себя спокойно: ведь он сделал все, чтобы убедить отца, что не является его конкурентом на троне. Но мнительный Павел все больше и больше начинал подозревать членов своей семьи (прежде всего обоих старших сыновей и жену) в вынашивании планов заговора против него. Действительно, почва для политического антипавловского заговора как будто специально готовилась самим императором. За четыре с небольшим года его правления недовольны проводимой им политикой оказались многие. К 1800 г. заговор созрел. Главное – Павлом I была недовольна верхушка дворянства. Ведь он считал, что равноудален от всех своих подданных без различия их сословной принадлежности. Император не понимал, что должен вести себя на престоле как первый по положению дворянин. Он забыл, что в момент Пугачевского восстания его мать, Екатерина II, громогласно объявила себя «казанской помещицей». И это было по достоинству оценено дворянством. В этих условиях нашлись несколько десятков гвардейских офицеров, готовых свести счеты с незадачливым государем.

В годы отцовского правления Александр Павлович быстро убедился в пагубности проводимого курса. В известном письме Лагарпу от 27 сентября 1797 г. он от положительной оценки первых шагов Павла I сразу перешел к острой критике его последующей политики. Теперь уже наследник престола считал, что все «перевернуто вверх дном», что язвы екатерининского правления только усугубились, неограниченная власть отца порождает «безрассудства», его строгость лишена «малейшей справедливости», все сословия России недовольны и т. д. В эти годы Александр Павлович сблизился с А. А. Аракчеевым (последний походил на Наполеона Бонапарта лишь тем, что в молодости также считался способным артиллерийским офицером). Аракчеев был человеком, способным смягчить гнев Павла I по поводу малейших упущений по службе, который император не стеснялся изливать, невзирая на лица[18].

Настоящей отдушиной для нашего героя стал кружок молодых людей, в котором помимо самого близкого из них – князя А. Чарторыйского состояли граф Павел Александрович Строганов и Николай Николаевич Новосильцов. Все они были старше Александра Павловича (Новосильцов – на пятнадцать, Чарторыйский – на семь, а Строганов – на пять лет). А. Чарторыйский сообщает, что их окончательное сближение произошло в Москве, во время коронационных торжеств (март – апрель 1797 г.). Все они получили прекрасное образование и являлись сторонниками осторожного обновления России, используя опыт революционной Франции и английской парламентской монархии. Александр же как самый молодой из «кружковцев» был нетерпелив: он всерьез обсуждал планы дарования России после своего восшествия на престол конституции и объявления республики. Сам же цесаревич предполагал отречься от престола и удалиться в частную жизнь. Чарторыйский даже составил по просьбе Александра проект соответствующего манифеста. Друзья, с одной стороны, старались охладить республиканский пыл цесаревича, а с другой – отговорить его от мечтаний о частной жизни, находя их «эгоистическими».

Конечно, сближение четырех молодых людей не могло долго оставаться тайной. Об их встречах было доложено Павлу I. Высказывавшиеся друзьями идеи были чужды государю, а друзей сына-цесаревича он считал чуть ли не якобинцами (П. А. Строганов, как известно, будучи в Париже, посещал заседания якобинского клуба). Предваряя возможные гонения,

[18] Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 36–38; Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 1. С. 132, 137, 161–162; Он же. Император Павел Первый. С. 258–449; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 58–60, 72–84; Елисеева О. И. Указ. соч. С. 592.

друзья решили, что Новосильцову, состоявшему у начальства «на дурном счету», следует покинуть Россию, – и он уехал в Англию. Строганову было не привыкать коротать дни в своем имении (его за «якобинство» туда ссылали еще при Екатерине II). С Чарторыйским поступили иначе: в 1798 г. он получил назначение послом от русского двора при сардинском короле и отбыл в Италию. Этому предшествовала придворная интрига, во главе которой стояла императрица-мать Мария Федоровна. Она убедила Павла I, что отцом только что родившейся у Елизаветы Алексеевны дочери (вскоре умершей) является князь Адам, а не цесаревич Александр. Удаление Чарторыйского из Петербурга можно рассматривать как почетную ссылку.

В 1798 г. в столицу вернулся из Константинополя давний знакомый и корреспондент Александра Павловича – Виктор Павлович Кочубей (был старше нашего героя на девять лет). Кочубей являлся племянником А. А. Безбородко, и поэтому Павел I встретил его милостиво, назначил вице-канцлером, даровал графский титул, но в 1799 г. отстранил от дел, и Виктор Павлович отправился за границу. Так в 1799 г. Александр Павлович лишился общества близких ему людей. Лишь жена, Елизавета Алексеевна, оставалась единственной близкой по духу собеседницей наследника престола[19].

Мы не станем подробно останавливаться на деталях подготовки и осуществления антипавловского дворцового переворота. Тем более что никто из мемуаристов и исследователей не называет Александра Павловича в числе деятельных участников и того, и другого. На ранних этапах оформления заговора главную роль играл граф Н. П. Панин (племянник почитаемого Павлом I воспитателя Н. И. Панина). Панин характеризуется как «англоман», он состоял в связи с английским послом Уитвортом (после разрыва Павлом I в 1800 г. отношений с Англией англичане реально поддерживали заговорщиков, прежде всего финансами). Но в декабре 1800 г. Панин был отстранен государем от службы в Коллегии иностранных дел и сослан в свое имение. На первые роли выдвинулся граф П. А. Пален, который и довел дело до конца. Он смог заручиться полным доверием императора и по должности петербургского военного губернатора являлся самым влиятельным лицом среди заговорщиков. Именно Пален убедил Павла I вернуть из ссылки братьев Зубовых, вокруг которых также начали сосредотачиваться недовольные государем.

С Александром Павловичем заговорщики беседовали уже на ранних этапах своего предприятия. Есть сведения, что граф Панин даже обсуждал с цесаревичем необходимость ограничить самодержавие посредством конституционных мер после вступления на престол. Почему Александр Павлович, как утверждают и мемуаристы, и историки, дал согласие на отстранение отца от престола? Его положение наследника царствующего императора становилось все более шатким. Павел проявлял все большую подозрительность. Он не мог не знать, что недовольных его распоряжениями среди высшего дворянства и гвардейского офицерства много. С другой стороны, мнительность государя имела причину и в состоянии его психики (некоторые утверждали, что он близок к помешательству). У императора окрепла мысль, что во главе заговора против него стоят самые близкие ему люди: супруга и оба старших сына. В разговорах со своими доверенными людьми он начал рассуждать, что может приказать посадить в крепость Александра и Константина, а жену, Марию Федоровну, заточить в монастырь. Возможно, Павел I обдумывал и такой ход: объявить своим наследником племянника супруги – принца Евгения Вюртембергского. Неслучайно тот в 1800 г. прибыл в Петербург и был обласкан государем.

[19] Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 1. С. 161–164, 171; Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 36–37; Мемуары князя Адама Чарторыйского. С. 137–143, 170; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 66, 84–86; Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. С. 117–118, 195–198, 420.

Вообще же отец как будто специально вызывал в душе сына Александра сомнения по поводу своего положения наследника престола. В 1799 г., после возвращения Константина Павловича из армии А. В. Суворова, с которой тот участвовал в Итальянской кампании, Павел I объявил своего второго сына также цесаревичем. То есть Константин по статусу наследника престола сравнялся с Александром. Видимо, Павел желал вызвать соперничество между сыновьями. Но Константин не включился в эту игру и не дал повода старшему брату подозревать себя. К 1800 г. Александр Павлович уже стал реально опасаться за свою судьбу, кроме того, его окружение и заговорщики постоянно говорили, что оставить Россию под управлением Павла I – значит погубить страну.

В литературе высказываются два основных мнения о роли Александра Павловича в событиях ночи 12 марта 1801 г. Одни авторы утверждают, что наш герой в конце концов согласился занять престол в случае отречения отца и сохранения ему жизни. При этом часто ссылаются на то, что хитрый и коварный Пален показал Александру подписанный императором указ об аресте членов своей семьи. Тут уж цесаревич вынужден был решиться, но по свойственным ему мягкости и беспечности не думал о последствиях и дождался в своих покоях завершения действий заговорщиков.

Другая версия предполагает иную характеристику личности нашего героя. Александр, как мы уже отмечали, отличался честолюбием и скрытностью. Он был способен изображать мягкость и уступчивость, но при этом твердо идти к намеченной цели. Решение сместить отца с престола пришло к нему не в последний момент, а задолго до 11 марта 1801 г. Сам граф П. А. Пален позднее сообщал: Александр потребовал от него поклясться, что отец останется в живых. Но тут же Пален признался в обмане, поскольку не верил в возможность сохранить жизнь свергнутому императору. Это было опасно: ведь в гвардии служили и преданные Павлу офицеры, а среди солдат он пользовался популярностью. Вряд ли Александр был столь наивен, что твердо верил в обещание Палена (все помнили судьбу Петра III). Кроме того, приводятся известия, что именно Александр Павлович посоветовал Палену осуществить намеченное в день, когда на главный караул в Михайловском дворце заступит третий батальон Семеновского полка, на чью преданность цесаревич мог рассчитывать. По нашему мнению, вторая версия ближе к истине[20].

В первом часу ночи 12 марта 1801 г. граф П. А. Пален появился в аппартаментах Александра Павловича в Михайловском дворце и сообщил о кончине Павла I. Сюда же пригласили и Константина Павловича. Александр с женой не спали и были одеты для соответствующего моменту выхода на люди. То есть о беспечности цесаревича говорить не приходится. Он заранее готовился к важным событиям. Слова Палена привели Александра в «неописанную горесть»: он рыдал. Наконец глава заговорщиков произнес по-французски фразу, ставшую хрестоматийной. В вольном русском переводе она звучит так: «Хватит ребячиться, идите царствовать!». Такое не забывается! Политическая судьба графа П. А. Палена решилась в ту же минуту. Александр Павлович вышел на балкон, чтобы показаться войскам (графиня С. Шуазель-Гуфье утверждала, что он «лишился сознания» и его «пронесли среди рядов солдат»). Известна еще одна хрестоматийная фраза, произнесенная Александром по-русски, когда он обратился к солдатам: «Батюшка скончался апоплексическим ударом. Все при мне будет, как при бабушке». Мы полагаем, что наш герой вполне мог допускать гибель «батюшки» в ходе переворота. Однако относить его бурную трагическую реакцию на это только к игре, к его способности лицемерить мы не стали бы. Как ни крути, но считать себя

[20] Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. С. 7–10; Мемуары князя Адама Чарторыйского. С. 202, 224; Семевский В. И. Указ. соч. С. 155–156; Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 39–40; Окунь С. Б. Указ. соч. Ч. 1. С. 121–130; Шильдер Н. К. Император Павел Первый. С. 449–476; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 86–96; Державный сфинкс. С. 243–249; Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. С. 217–218; Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 197; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 108.

причастным к насильственной смерти отца, хотя бы и косвенно, Александр мог. А по христианским заповедям это смертный грех. Даже в наше время подобное расценивается в общественном мнении как тягчайшее преступление, что уж говорить о том времени, когда христианским ценностям следовали строже. Александр Павлович мог действительно искренне скорбеть о гибели отца.

В литературе стало общим мнение, что терзания по этому поводу сопровождали Александра I всю жизнь (а то, что от его брака и от побочных связей не рождалось жизнеспособное потомство, он считал Божьей карой). Утверждение ряда авторов о реальности ухода императора Александра в 1825 г. в народ под видом старца Федора Кузьмича может быть признано логичным исходом грешника.

Всех, в том числе и сына, удивила реакция на кончину супруга императрицы-матери Марии Федоровны. Конечно, она знала о готовящемся заговоре и, разумеется, была осведомлена, какую участь ей готовил муж-император. То, как себя вела Мария Федоровна, нельзя назвать обычной истерикой внезапно овдовевшей женщины. Она громко требовала пропустить ее к телу мужа, на что ей было сказано, что новый государь это «не приказывал». Тогда императрица пыталась обратиться к солдатам, что тоже было пресечено. Есть сведения, что до самого утра 12 марта она не желала признавать сына новым императором и требовала, чтобы он отчитался во всем перед ней. Исследователи объясняют претензии Марии Федоровны давней договоренностью между нею и Павлом Петровичем (имелись и письма последнего), что в случае внезапной смерти Екатерины II и отсутствия мужа в столице она принимает на себя обязанности правительницы либо до возвращения супруга, либо до совершеннолетия сына Александра. Законно занять престол после Павла I Мария Федоровна не могла: по павловскому законодательству об императорской фамилии 1797 г. престол автоматически переходил к старшему прямому наследнику мужского пола. Сын Александр Павлович был уже совершеннолетним и по закону занял престол под именем Александра I. Чего было больше в поведении Марии Федоровны в первые часы после гибели мужа – искренней скорби или политики, сказать трудно. Но с этого момента вокруг императрицы-матери сгруппировался кружок критиков политики ее сына-императора. Хотя Мария Федоровна продолжала называть его прилюдно «наш ангел», он не обманывался по поводу отношения к себе матери[21].

Итак, двадцатитрехлетний Александр Павлович вступил на российский престол. Это был не наивный, романтически настроенный мальчик. Способности политика он проявлял еще в правление Екатерины II. Четыре с лишним года царствования отца, Павла I, закалили характер нашего героя. Он возмужал, стал неплохо разбираться в людях и собирался проводить вполне осознанную политику. Александр Павлович не подверг юридическому осуждению убийц своего отца, хотя по законодательству они совершили тягчайшее преступление. Это и понятно: ведь он сам был с ними связан. Однако он им не простил их участия в перевороте. На другой день после своего воцарения молодой император удалить наиболее влиятельных из них не мог. Нужно было время, чтобы сделать это без лишнего шума.

Первым 17 июня 1801 г. был отставлен со всех постов граф П. А. Пален. У пишущих об этом периоде истории России не нашлось слов сочувствия к этой персоне. Пален, сделавшись в последние месяцы павловского царствования наиболее приближенным и доверенным лицом государя, одновременно плел против него нити заговора, не брезгуя провокациями. Такой человек был, ко всему прочему, опасен. К тому же он претендовал на руководство молодым государем.

---

[21] Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. С. 11–12; Мемуары князя Адама Чарторыйского. С. 212, 225–226; Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 40–42; Шильдер Н. К. Император Павел Первый. С. 476, 479; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 96–99, 101–108, 261–278; Державный сфинкс. С. 249–250; Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 197, 518; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 108.

Раньше или позже все влиятельные фигуры заговора оказались не у дел. Единственным, кого Александр I использовал на высших постах в армии во время войн с Наполеоном, был генерал Л. Л. Беннигсен. Он обладал определенными полководческими способностями и к тому же по своему рождению в Ганновере являлся подданным британской короны.

В первый период своего царствования (1801–1805) император Александр I представлял собой молодого, стройного, красивого, изящно одевавшегося мужчину, имевшего большой успех у женщин и умевшего пользоваться ими в своих интересах. На публике на его лице замечалась благожелательная улыбка, а в его речах сквозили учтивость и деликатность. Александр Павлович стремился обворожить собеседника, рассыпал любезности и слушал с неподдельным вниманием. Словом, рано проявившееся в нем умение нравиться окружающим отточилось до совершенства. Никуда не исчезли свойственные новому императору тщеславие и честолюбие, скрытность и упрямство. Появилось после 12 марта 1801 г. чувство страха: раз могли убить отца, то могут убить и его! Кроме того, государя упрекали в проявлениях робости, пассивности, праздности, лености, несклонности к систематическим занятиям. Что ж, человеческие слабости свойственны и монархам. Однако наш герой хорошо умел владеть собой, и окружающим было непросто проникнуть в тайники его души.

Гатчинская школа не прошла для Александра Павловича даром. Подобно отцу он вкупе теперь уже со своим наследником, цесаревичем Константином Павловичем, с 13 марта стал ежедневно присутствовать на вахтпараде. Что ж, у первого лица в государстве не нашлось более серьезных занятий, нежели смотреть на развод дворцовых караулов? Ведь теперь никто не мог заставить Александра это делать. Павел I – солдафон до мозга костей, но характер Александра был иным. Видимо, гатчинство проникло в плоть и кровь молодого императора. Он сохранил поначалу павловские военные уставы (по поводу которых А. В. Суворов не мог говорить без сарказма), считая, что главное в воспитании войск – маршировка и выправка, а не действительно боевая подготовка.

Полагаем, что наш герой, по крайней мере до аустерлицкого разгрома, мог искренне верить, что доведенная до автоматизма «фрунтовая механика» принесет победу в сражении. Это мнение разделял и его брат Константин Павлович, а военное окружение во главе с генерал-адъютантом князем П. П. Долгоруким вселяло в Александра I шапкозакидательские настроения накануне Аустерлица. Весьма характерно для гатчинских пристрастий детей Павла I то, что Константин велел русской гвардии в 1805 г. идти из Петербурга до Ольмюца (ныне Оломоуц в Словакии) три месяца «в ногу, печатая строевой шаг»! Позже сам Александр I приказал армии пять дней двигаться от Ольмюца до Аустерлица также в ногу. М. И. Кутузов потому и был фактически отстранен от командования войсками, поскольку не являлся гатчинцем[22].

К моменту восшествия на престол 12 марта 1801 г. двадцатитрехлетний Александр I прошел школу екатерининского Царского Села и павловской Гатчины, что дало ему возможность изучить придворную жизнь в столь разных ее условиях. Уроки Лагарпа познакомили его с современными политико-философскими идеями. Характер молодого государя сформировался противоречивым. Главное, что он осознал – это необходимость реформировать существующую социально-политическую систему России. Преобразования в различных сферах жизни – вот основная задача первых лет царствования Александра I как политического деятеля.

[22] Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 2. С. 12; Мемуары князя Чарторыйского. С. 203, 208–209, 360; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 66–70, 93, 109, 127, 216; Державный сфинкс. С. 167–168, 509–510; Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 197; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 110; Мезенцев Е. В. Указ. соч. С. 49, 155, 157–158, 263.

Глава вторая
Исправление «гримас» царствования «незабвенного родителя» и внутренняя политика первых месяцев правления Александра I

Как уже было замечено, Александр I, выйдя к войскам 12 марта 1801 г., вскоре после кончины отца, сказал: «Все при мне будет, как при бабушке». Вот и в вышедшем тогда же манифесте, объявлявшем о кончине Павла I и вступлении на престол Александра I, новый государь обещал народу, что править будет «по законам и по сердцу… бабки нашей, государыни императрицы Екатерины Великой»[23]. Мы хорошо знаем, сколь критически относился Александр Павлович к правлению Екатерины II. А тут ему приходилось публично клясться, что он будет править своим народом по ее «законам и по сердцу».

Дело все в сложившейся ситуации, когда политически мыслящие слои населения желали возврата к екатерининскому «просвещенному абсолютизму». Едва ли найдется другой пример в истории России, когда современники-мемуаристы столь красочно описывали бурную радость при смене одного монарха другим. Некоторые из них даже объявляли эту радость всенародной. На наш взгляд, правы те современники, которые реакцию на смену правления не простирали столь далеко. Эту точку зрения выразил А. Н. Пыпин, заметив, что «народ, кажется, остался довольно равнодушен к происшедшему, но в обществе вступление Александра на престол было всеобщею радостью». В данном случае, «общество» и есть политически мыслящие слои населения, чьи настроения Александр I обязан был учитывать. Это – широкие слои дворянства (прежде всего офицерство и чиновничество), формирующаяся городская интеллигенция и торгово-предпринимательские круги городских обывателей.

Возврат на позиции «просвещенного абсолютизма» происходил путем отмены наиболее непопулярных павловских мер. Новый император приступил к этому буквально на следующий день после восшествия на престол. Сгруппируем его решения по соответствующим направлениям политики.

1. Помилование заключенных и наказанных и облегчение их участи. 13 марта именным указом Военной коллегии предписано было считать отставленными от службы тех генералов, офицеров и военных чиновников, которые были «выключены из военной службы» по суду и без суда. 15 марта именным указом Сенату эта же мера была распространена на гражданских чиновников. Так же 15 марта именной указ Сенату «прощал» людей, содержащихся в крепостях, сосланных на каторжную работу в разные места и состоящих под надзором полиции, лишенных чинов и дворянства, чьи дела производились в Тайной экспедиции. По четырем спискам таких лиц перечислено 156 (в их числе А. Н. Радищев, будущий известный генерал А. П. Ермолов и т. д.). Тогда же был принят Манифест о прощении «беглецов», укрывающихся за границей. Все их вины «предаются забвению… кроме смертоубийства». Манифест об уничтожении Тайной экспедиции был принят 2 апреля. Тогда же другой манифест освобождал всех находившихся под следствием и судом чиновников и «всякого звания людей», не совершивших тяжких преступлений, как то: убийство, разбой, лихоимство. Казенные взыскания до 1 тысячи рублей прощались. Осужденные преступники освобождались из-под стражи и ссылались «в работу», а осужденные еще и к телесному наказанию от него освобождались и отправлялись «на поселения». Именной указ Синоду от 22 мая осво-

[23] ПСЗ. Т. 26. № 19779.

бождал священников и дьяконов от телесных наказаний. В литературе приводится цифра: 12 тысяч помилованных и уволенных со службы могли вновь в нее вступить.

2. Предписание полиции не превышать свои полномочия. Вначале именной указ Сенату от 15 марта касался только петербургской полиции. Затем, 19 марта, именной указ был объявлен оберполицмейстером графом П. А. Паленом (одна из его должностей). В нем «подтверждалось» полицейским чиновникам о невыходе «из границ должности своей». К делам по полицейской части относится и именной указ, объявленный Сенату генерал-прокурором. В нем предписывалось уничтожить виселицы, поставленные в городах, «в публичных местах», по павловскому указу, к которым прибивались листы с именами опальных «разных чинов людей».

3. Восстановление свободного передвижения людей и товаров в Россию и из нее. Именной указ Сенату от 22 марта разрешал свободный въезд и выезд из России. Такие же указы касались различных товаров: 14 марта был разрешен вывоз из России, а 16 марта – ввоз в Россию всех товаров и подтвержден импорт на прежних основаниях соли в те губернии, которые ею снабжались. 24 марта отменили запрет на вывоз вина и хлеба (1 мая – также о свободном отпуске хлеба). 31 марта разрешили ввозить из-за границы книги и ноты. Типографиям же разрешалось свободно печатать книги и журналы. «Свободный отпуск российских произведений за границу» предусматривался в манифесте от 2 апреля. Здесь же было предоставлено «поселянам» право пользоваться лесами «как для собственного употребления, так и на продажу».

4. Восстановление прав и привилегий дворянства и городских обывателей. Именной указ Сенату от 15 марта восстанавливал институт дворянских выборов. Манифесты от 2 апреля восстанавливали екатерининские жалованные грамоты дворянству и городам, а также Городовое положение (несколькими специальными указами Павла I были отменены отдельные статьи Жалованной грамоты дворянству 1785 г. и Городового положения). 5 мая Александр I утвердил доклад Сената о восстановлении статей Жалованной грамоты: подтвержден запрет на телесные наказания дворян; восстановлено право дворян свободно поступать на службу и увольняться; разрешены губернские дворянские собрания; подтверждено их право на коллективные прошения к начальству и на рассмотрение документов, доказывающих дворянское происхождение. 3 июня такое же решение было принято по статьям Городового положения: подтвержден запрет на телесные наказания для именитых граждан и купцов 1-й и 2-й гильдий; городскому «обществу» вновь разрешено коллективно обращаться к губернатору со своими нуждами; гильдейскому купечеству дозволено не занимать городские должности по различным мелким казенным службам, но платить вместо этого деньги; подтверждено, что «никому не воспрещается» записываться в городские обыватели; городские трактиры, постоялые дворы, торговые бани вновь свободно могут содержать купцы 3-й гильдии; подтверждены жалованные грамоты и гербы городам; наконец, восстановлены прежние «шестигласные» думы и магистраты в городах вместо павловских рат и ордонансгаузов (указ о ликвидации последних вышел еще 17 марта).

5. Отмена наиболее непопулярных павловских решений по армии. 31 марта армейским пехотным и кавалерийским полкам были возвращены их старые (петровские) названия (при Павле I их называли по именам шефов). 9 апреля генерал-адъютант граф К. А. Ливен объявил именной указ инспектору Санкт-Петербургской дивизии генерал-лейтенанту Талызину, в котором предписывалось обрезать «пукли» у нижних чинов (правда, оставлялись косы в четыре вершка). Эта мера может показаться мелкой современному читателю, но она сильно облегчила быт солдат, которым не требовалось больше завивать «пукли».

6. Восстановление денежных пособий на содержание ведущих научных учреждений. Именными указами от 13 апреля и 13 июня отпускались 5 тысяч и 6,25 тысячи рублей на

содержание Вольного экономического общества и Российской академии (занималась вопросами российской словесности).

Наконец, Александр I восстановил нормальные отношения с Великобританией. 26 марта было прекращено действие Петербургской ликвидационной конторы и подчиненных ей Рижской и Архангельской (в их ведении находилось попавшее в 1800 г. под секвестр «имение» британцев). Именной указ о «снятии эмбарго» с британских торговых судов и освобождении «имения» британцев от секвестра вышел 6 мая[24].

У поэтов и публицистов того времени, как видим, были основания восславить в своих строках начало царствования Александра I. Старейший и авторитетнейший из них – Г. Р. Державин кончину Павла I охарактеризовал так:

Умолк рев Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взгляд.

Александр I у него:

Ангел кротости и мира,
Любимый сын благих небес.

Восшествие на престол Александра Павловича Н. М. Карамзин сравнивал с приходом весны и радовался обещанию даровать подданным «златой век Екатерины». Ф. Ф. Вигель отметил, что «после четырех лет (павловского царствования. – *А. Д.*) воскресает Екатерина от гроба в прекрасном юноше. Чадо ее сердца, милый внук ее, возвещает манифестом, что возвратит нам ее времена»[25] и т. д.

С первых же дней царствования перед Александром I стояла задача подбора людей на различные посты в государственной администрации. Наибольшим доверием, как мы понимаем, у нашего героя пользовались его друзья. Но из них в тот момент в Петербурге находился лишь граф П. А. Строганов, а остальные пребывали за границей. Граф В. П. Кочубей, князь А. Чарторыйский и Н. Н. Новосильцов были вызваны в Россию, однако должно было пройти немало времени, чтобы они могли вернуться. Реально Александр Павлович мог подбирать свою администрацию из батюшкиных и бабушкиных кадров. Кроме того, неизбежно «герои» подготовки и проведения дворцового переворота 12 марта 1801 г., по крайней мере на первых порах, претендовали на высшие посты в государственном управлении. Речь идет прежде всего о графах П. А. Палене, Н. П. Панине и братьях Зубовых.

Манифест от 12 марта 1801 г. о вступлении на престол Александра I сформулировал задачи нового царствования: пользуясь «премудрым» опытом Екатерины II «вознести Россию наверх славы и доставить ненарушимое блаженство всем верным подданным нашим»[26]. Если «верх славы» – задача внешней политики, то «ненарушимое блаженство» – задача политики внутренней. Обратимся к конкретным шагам власти в области внутренней политики в первые месяцы нового царствования.

---

[24] ПСЗ. Т. 26. № 19782–19786, 19788, 19790–19791, 19793, 19797–19799, 19801, 19803–19804, 19807, 19809– 19814, 19824, 19826, 19832, 19853, 19856, 19885, 19901, 19913; Богданович М. И. Указ. соч. С. 41, 47, 49–51, 53; Дивов П. Г. Указ. соч. С. 79–81; Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 50, 56, 61–64; Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 2. С. 15–19; Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 43; Предтеченский А. В. Указ. соч. С. 69; Окунь С. Б. Указ. соч. С. 131; Сафонов М. М. Указ. соч. С. 71–76; Ключевский В. О. Указ. соч. Кн. 3. С. 385, 387; Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 195; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 115–116; Демкин А. В. Указ. соч. С. 26–27; Державный сфинкс. С. 72, 160, 250–251; Державин Г. Р. Указ. соч. С. 222; Вигель Ф. Ф. Указ. соч. Кн. 1. С. 16–170; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 97, 112–113.

[25] Погодин М. Указ. соч. Ч. 1. С. 318; Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 54–55; Кислягина Л. Г. Указ. соч. С. 136; Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 170; Минаева Н. В. Век Пушкина. С. 11.

[26] ПСЗ. Т. 26. № 19779.

Александр I сразу же отправил в отставку наиболее одиозных павловских вельмож: генерал-прокурора П. Х. Обольянинова, обер-шталмейстера графа И. П. Кутайсова и московского обер-полицмейстера генерала Эртеля. Уже 12 марта новый государь назначил Дмитрия Прокофьевича Трощинского состоять при своей особе «у исправления дел». Трощинский являлся статс-секретарем при Екатерине II, а при Павле I был не у дел. Именно он считается автором цитированного нами выше манифеста от 12 марта. Любопытно, что при Трощинском определено было состоять М. М. Сперанскому в звании статс-секретаря. Известно, что Сперанский отличался особым умением сочинять тексты государственных бумаг. 13 марта к Д. П. Трощинскому перешло управление Почтовым департаментом. Граф П. А. Пален отказался от этой должности, которую он исправлял при Павле I.

Важные кадровые изменения произошли 16 марта. Новым генерал-прокурором был назначен генерал от инфантерии А. А. Беклешов. При Павле I он уже исполнял эту должность. Именно ему Павел сказал знаменитые слова: «Ты да я, я да ты, вперед мы одни будем дела делать». Уже при Екатерине II должность генерал-прокурора приобрела важное государственное значение, а ее сын полагал, что ее носитель – второе лицо в государстве после него. Государственным казначеем был назначен барон А. П. Васильев (занимавший при Павле I эту должность, но затем получивший отставку). Васильев сменил на этом посту Г. Р. Державина, который сохранил только пост сенатора. В тот же день Александр I предписал своему Кабинету принимать от Д. П. Трощинского «изустные высочайшие повеления» на выдачу денег на суммы до 10 тысяч рублей. Государь 21 марта принял вызванного в столицу графа Н. П. Панина и назначил его управлять Коллегией иностранных дел (правда, формальным главой этого ведомства остался вице-канцлер князь А. Б. Куракин). Сохранил все свои посты граф П. А. Пален: петербургский военный губернатор, управляющий гражданской частью Петербургской, Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерний, командующий войсками Петербургской инспекции, член Коллегии иностранных дел.

Именной указ Сенату от 26 марта объявлял об упразднении павловского Совета при дворе. 30 марта такой же указ учреждал Непременный совет для рассмотрения важных государственных дел. Совет занял место высшего государственного органа. В него вошли (в порядке, указанном в самом документе): генерал-фельдмаршал граф Н. И. Салтыков (воспитатель государя), генералы от инфантерии князь П. А. и граф В. А. Зубовы, действительный тайный советник, вице-канцлер князь А. Б. Куракин, вице-президент Военной коллегии генерал от инфантерии И. В. Ламб, генерал-прокурор генерал от инфантерии А. А. Беклешов, действительный тайный советник, государственный казначей барон А. П. Васильев, петербургский военный губернатор, генерал от кавалерии граф П. А. Пален, действительный тайный советник князь П. В. Лопухин, действительный тайный советник, министр коммерции князь Г. П. Гагарин, адмирал и вице-президент Адмиралтейской коллегии граф Г. Г. Кушелев и тайный советник Д. П. Трощинский.

Как видим, первоприсутствующим (и председателем на заседаниях) в Совете являлся самый старший по чину (1 класса) граф Н. И. Салтыков. Среди остальных (особы 2 класса) – руководители трех первых коллегий: иностранных дел, военной и адмиралтейской, а также государственный казначей и министр коммерции. Без должностей – братья Зубовы и князь Лопухин. Основная должность графа П. А. Палена не предполагала его обязательного участия в высшем государственном органе. Имевший чин 3 класса Д. П. Трощинский стал начальником канцелярии Совета, а ему в помощь определили все того же М. М. Сперанского (экспедитором по части гражданских и духовных дел). Понятно, что Зубовы и Пален стали членами Совета как лидеры переворота 12 марта. Князь Лопухин же при Павле I занимал одно время должность генерал-прокурора, а его дочь (княгиня А. П. Гагарина) являлась фавориткой императора. По каким соображениям Александр I включил Лопухина в Совет –

нам неизвестно. Со временем этот орган стал называться Государственным советом (в 1810 г. в результате реформы М. М. Сперанского это название было узаконено).

5 апреля вышел «Наказ» Совету. В нем было определено, что сферой его деятельности являются «дела законодательные». На рассмотрение в Совет дела направлял император или же их представляли его члены. Совет высказывал свое мнение по тем или иным вопросам и подавал их на утверждение государю, то есть действовал как законосовещательный орган при самодержце. Современники так определяли расклад политических сил в это время: обиженный Г. Р. Державин с раздражением отметил в своих записках, что Беклешов и Трощинский по близости к императору имели тогда «всю власть в своих руках». П. Г. Дивов определял, что «дела внутренние государства состояли в управлении Беклешова, Васильева и Трощинского, внешние – в ведомстве Палена и Панина». Тех же лиц (кроме Васильева и Палена) упоминал граф П. В. Завадовский[27].

Высказывается также мнение, что в те месяцы главными политическими фигурами в России были все те же руководители заговора 12 марта. Очевидно, как всегда, шла борьба придворных «партий» за влияние на государя. Бывшие заговорщики (Пален, Панин, братья Зубовы) противостояли не запятнанным в глазах Александра Павловича Беклешову, Трощинскому, Васильеву и иным. Надо сказать, что граф П. А. Пален сразу же принес новому государю ощутимую пользу: он быстро смог договориться с британской стороной (эскадра «владычицы морей» крейсировала в виду Кронштадта), и политический конфликт был улажен.

Мы уже отмечали, что граф Н. П. Панин еще при жизни Павла I внушал Александру Павловичу мысль о необходимости ограничения самодержавия. Объяснялось все тем, что необходимо предотвратить в будущем возможность деспотизма, подобного павловскому. И после вступления на престол Александра I графы П. А. Пален и Н. П. Панин предлагали ему принять «конституционный акт». На десятый день царствования в руки Александра Павловича попала записка одного из подчиненных Д. П. Трощинского – В. Н. Каразина. В ней автор призывал государя очертить «пределы» своего самодержавия, дать «непреложные законы», укоренить «веру в правосудие», а суд чтобы состоял из «избранных от народа». Со всей России надо избрать «старцев», которым государь должен отдать «весь избыток своей власти». Другие авторы также обращали внимание на необходимость примата закона и правосудия в жизни общества.

Единственный из друзей Александра Павловича, находившийся 12 марта 1801 г. в Петербурге, граф П. А. Строганов удостоился первой аудиенции только 23 апреля. Зашел разговор о предстоящих реформах. Вопрос о конституции обоими отодвигался на более позднее время. Вначале следовало заняться преобразованиями в государственном управлении. Император подчеркнул необходимость определения «прав человека» и главное – обеспечения прав свободы и собственности. Вторая беседа Александра I со Строгановым имела место 9 мая. Граф подал государю записку, в которой убеждал его, что для разработки проектов реформ необходимо учредить «Негласный комитет», чья деятельность должна сохраняться в тайне. Александр Павлович согласился с предложением и пожелал помимо Строганова включить в комитет Кочубея, Чарторыйского и Новосильцова.

Как видим, молодой государь вполне поддерживал (по крайней мере на словах) идею реформ, осуществление которых способствовало бы эволюции самодержавия в сторону кон-

[27] Там же. № 19795, 19805–19806; Архив Государственного совета. Т. 3. Ч. 1. С. I–IV; Архив князя Воронцова. Кн. 12. С. 264–265; Богданович М. И. Указ. соч. С. 46–47; Дивов П. Г. Указ. соч. С. 79–80; Государственный совет. 1801–1901. С. 3–8; Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 2. С. 12–14, 19–20; История Правительствующего сената за двести лет. 1711–1911. Т. 3. С. 25; Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 43; Окунь С. Б. Указ. соч. С. 131–132; Сафонов М. М. Указ. соч. С. 72–73, 82–85; Ключевский В. О. Указ. соч. С. 386–387; Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Око государево. Российские прокуроры. XVIII век. С. 232, 239–240; Державин Г. Р. Указ. соч. С. 222–224; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 110–114.

ституционной монархии. В первом своем письме Лагарпу после восшествия на престол от 9 мая 1801 г. Александр I подтверждает свою верность принципам, которые внушал ему его учитель, просит давать ему советы и сейчас и фактически приглашает своего корреспондента в Россию. Между тем на первом заседании Государственного совета 26 марта 1801 г. были рассмотрены проекты известных нам наиболее важных указов, отменявших непопулярные павловские меры. 2 апреля уже сам Александр I вместе с генерал-прокурором А. А. Беклешовым явился в Сенат, где были оглашены соответствующие манифесты, о которых мы ранее говорили[28].

Александр I привлек к работе также известных екатерининских вельмож-англоманов: графов А. Р. и С. Р. Воронцовых и П. В. Завадовского. Эти деятели продолжали линию своих предшественников – князя Д. М. Голицына и графа Н. И. Панина, ратовавших за ограничение самодержавия и придание российской монархии подобия английской. При этом Воронцовы и Завадовский считали, что часть своих полномочий государь должен передать Правительствующему сенату (поэтому в литературе эта группа иногда называется «сенаторской партией»). Граф П. В. Завадовский писал 7 апреля 1801 г. из Москвы находившемуся в своем поместье графу А. Р. Воронцову, что император призывает их обоих в Петербург (оба при Павле I жили в своих имениях, а граф С. Р. Воронцов – в Англии). Раньше в Петербург явился Завадовский и сразу же (18 апреля) был введен Александром I в члены Государственного совета. По приезде А. Р. Воронцова в столицу государь и его ввел в Совет (29 апреля). Своим восхищением молодым императором Завадовский, шестидесятидвухлетний екатерининский вельможа, поделился с другом – пятидесятисемилетним С. Р. Воронцовым в письме в Англию от 13 мая. Причем, сообщая о назначениях на государственные посты, Завадовский отметил природные дарования графа Н. П. Панина и невысоко оценил таланты Д. П. Трощинского и А. А. Беклешова. Включением в состав Государственного совета П. В. Завадовского и А. Р. Воронцова (которому также стукнуло шестьдесят лет) Александр I, по мнению исследователей, пытался как-то ограничить влияние Палена и Зубовых. Причем Г. Р. Державин считал, что А. Р. Воронцов «пристал» к Д. П. Трощинскому. Последний для такой подмоги и внушил государю «вызвать из деревни» первого. Тут же Гавриил Романович обвиняет Завадовского и Воронцова в их стремлении «ослабить самодержавную власть и присвоить больше могущества Сенату», чему он сам всегда противился.

5 июня 1801 г. именным указом Сенату была создана Комиссия составления законов. Во главе комиссии государь поставил графа П. В. Завадовского. К указу приложен высочайший рескрипт на его имя. В этом документе сказано, что «единый закон – начало и источник народного блаженства». То есть в соответствии с просветительскими взглядами закон Александром I поставлен превыше всего (в том числе и его власти как самодержца). Стопятидесятилетнюю линию законотворчества (с Уложения 1649 г.) император оценил невысоко, отметив порочную практику «переменять» законы по «прихоти» или «самовластью». Он выделил лишь Петра I, который пытался усовершенствовать законодательство. Далее следует программа деятельности комиссии из десяти пунктов, которая начинается с характерной для молодого Александра I фразы: «Мне кажется…». Что же «кажется» новому государю? А вот что: 1. Определить «черту», на которой «остановилось» законодательство и с которой «двинуться нужно»; 2. Рассмотреть планы работы предыдущей (павловской) комиссии; 3. Выбрать один из планов или «составить многих общее начертание»; 4. С этим планом «сообразить» состав комиссии; 5. Во исполнение этого плана «обработать» все части законодательства, а те, которые «выйдут» из плана, – пересмотреть;

[28] Архив Государственного совета. С. VII; Герцен А. И. Указ. соч. С. 17–23; Письма императора Александра I и других особ царственного дома к Ф. Ц. Лагарпу // Сборник РИО. Т. 5. С. 29–31; Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 57, 64; Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 2. С. 24; Семевский В. И. Указ. соч. Т. 2. С. 158–159; Предтеченский А. В. Указ. соч. С. 66; Окунь С. Б. Указ. соч. С. 126; Сафонов М. М. Указ. соч. С. 71, 73–75, 88–89; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 111–112, 115.

6. Начатые и неоконченные части законодательства завершить по «определенному начертанию»;

7. В случаях отсутствия в законодательстве каких-либо положений или противоречий в нем справляться с законодательством других стран;

8. Использовать «Наказ» Екатерины II Уложенной комиссии; 9. Требуются ясность, простота и «краткость слога»; 10. Комиссия представляет государю ежемесячно записки.

Император сориентировал Завадовского на использование «заделов» павловской комиссии, «Наказа» Екатерины II и зарубежного опыта. Работа предстояла большая. М. И. Богданович писал, что П. В. Завадовский «всегда умел пользоваться жизнью и обстоятельствами». Практическая сметка должна была помочь графу начать чистку «авгиевых конюшен» российского права[29].

В июне 1801 г. для Александра I настала пора освобождаться из-под влияния заговорщиков. Но до этого произошло тревожное для императора событие, усилившее позиции Палена. 4 мая государю сообщили о заговоре офицеров, принимавших участие в перевороте 12 марта. Они планировали устранить Александра Павловича и посадить на престол его жену – Елизавету Алексеевну. Нити заговора вели к братьям Зубовым. Трудно сказать, насколько серьезно было это предприятие. Возможно, все ограничивалось речами на офицерских пирушках. Александр I воспользовался влиянием графа П. А. Палена (недовольные офицеры желали устранить и его). Пален с ситуацией справился, и с этого времени между ним и Зубовыми началась борьба. В глазах государя кредит графа повысился, а кредит братьев, наоборот, упал. Для Александра Павловича важен был раскол среди руководителей заговора 12 марта. Он им и воспользовался.

Императрица-мать, Мария Федоровна, ненавидела Палена, требовала от сына устранить его с политического горизонта. Наступил час, когда Мария Федоровна патетически заявила Александру Павловичу: или он, или я! Государь, уловив, что настало время избавиться от опеки главы заговора, и опершись на позицию матери и ее окружения, снял 17 июня графа П. А. Палена со всех постов. Он даже не дал ему прощальной аудиенции: приказ уйти в отставку и срочно покинуть Петербург передал огорошенному неожиданной немилостью государя графу генерал-адъютант. У П. А. Палена, проживавшего отныне в своих прибалтийских имениях и исключенного из политической жизни страны, было достаточно времени, чтобы упрекать Александра I в неблагодарности. Мемуаристы так откликнулись на отставку графа. Ф. Ф. Вигель считал, что Пален «царствовал в России, кажется, более, чем император Александр… был, однако же, обманут притворной скромностью молодого царя и в один миг с высоты могущества низринут в ссылку». П. Г. Дивов видел причину падения Палена в том, что он не сохранил «должного уважения к матери государя».

Позже очередь дошла и до графа Н. П. Панина: он получил отставку в сентябре 1801 г. На его место в Коллегии иностранных дел был назначен граф В. П. Кочубей. По поводу Панина П. Г. Дивов пишет, что он «навлек на себя совершенную ненависть монарха» по своей «недовольной осмотрительности во изъявлениях» о его особе.

Братья Зубовы сохранили свои посты в Государственном совете. Хотя князь П. А. Зубов даже подавал записки о важных политических проблемах, но влиянием уже не пользовался и с декабря 1801 г. перестал участвовать в заседаниях, уехав за границу (этому предшествовала, по некоторым сведениям, интрига, целью которой было якобы устранение Александра Павловича и замена его на престоле матерью). Его брат граф В. А. Зубов просидел в Совете

[29] ПСЗ. Т. 26. № 19904; Архив Государственного совета. С. 5; Архив князя Воронцова. С. 263–265; Богданович М. И. Указ. соч. С. 86; Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 2. С. 22; История Правительствующего Сената. С. 25; Сафонов М. М. Указ. соч. С. 89–90; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 116–117, 126; Державин Г. Р. Указ. соч. С. 223–225; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 114–115.

вплоть до своей кончины в июне 1804 г.[30] Полагаем, что падение графа П. А. Палена и начало заседаний «Негласного комитета» неделю спустя – не простые совпадения.

Обратимся к внутриполитическим шагам Александра I в марте – июне 1801 г. Рассмотрим указы верховной власти (помимо уже упомянутых ранее указов и манифестов, отменявших неудачные павловские положения). Кроме высшего законосовещательного органа, каким стал Государственный совет, в России роль высшего административного органа выполнял Сенат (некоторые члены Государственного совета были сенаторами). Ряд указов высшей власти касался конкретных сторон деятельности Сената. Именной, объявленный генерал-прокурору 3 апреля, требовал представлять государю лично по воскресеньям «рапорта» и «мемории». Этим Александр I подчеркивал свое желание лично вникать в дела этого органа власти. 22 апреля именной указ устанавливал, что общее собрание в Сенате должно быть «по-прежнему в пятницу». 22 мая такой же указ предписывал Сенату не рассматривать «во временных» департаментах новых дел, но передавать их в постоянно действующие департаменты (это и понятно – «временные» департаменты подлежали ликвидации). 31 мая генерал-прокурор объявил сенаторам именной указ, в котором обязывалось присутствие в каждом департаменте не менее трех сенаторов. Предполагались «отлучки» сенаторов в летнее время.

Рассмотрим сенатские указы, касавшиеся внутренних вопросов: с 13 апреля подтверждалось, после полученного одобрения государем, что Сенат имеет право «увольнять» в отпуск или от службы тех чиновников, «которых определение от него зависит». 23 апреля дела, бывшие в ведомстве упраздненной Тайной экспедиции, отдавались в архив «к вечному забвению». «Доносы» же по важным государственным делам указано было «представлять» военным или гражданским начальникам.

Важное значение имел именной указ от 5 июня. В нем император предписал Сенату самому составить доклад о своих правах и обязанностях и представить ему. Причем Александр Павлович прибег к весьма обнадеживающим для сенаторов фразам: «Я желаю восстановить (Сенат. – *А. Д.*) на прежнюю степень, ему приличную, и для управления мест, ему подвластных, толико нужную. Права и преимущества Сената я намерен поставить на незыблемом основании как государственный закон». «Прежняя степень» положения Сената – это времена петровские и елизаветинские, когда этот государственный орган был на вершине своих полномочий. В последние царствования значение Сената падало, а роль генерал-прокуроров усиливалась. Этот указ положил начало бурным дебатам о прерогативах Сената, о которых будет сказано ниже[31].

Не менее важен для Александра I был вопрос о крепостном праве. Он сам, его друзья, да и лица, ухитрявшиеся делать достоянием государева внимания свои записки (например, В. Н. Каразин), желали приступить к этой проблеме и начать ее решать с ограничений прав помещиков на своих крепостных. Александр Павлович поручил генерал-прокурору А. А. Беклешову подготовить проект указа о запрете продавать крепостных без земли. 6 мая 1801 г. этот документ был представлен Беклешовым Государственному совету. Его члены нашли, что подобное предложение соответствует «благотворительным распоряжениям и великодушным правилам» императора, однако рекомендовали выпустить подобный указ «попозже». Несвоевременность данной меры аргументировалась вполне традиционно:

[30] Архив Государственного совета. С. III; Дивов П. Г. Указ. соч. С. 80; Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 2. С. 44–45, 74; Окунь С. Б. Указ. соч. С. 133–134; Сафонов М. М. Указ. соч. С. 117–121, 199; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 126–127; Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 172.

[31] ПСЗ. Т. 26. № 19818, 19833, 19845, 19847, 19886, 19898, 19908; Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 2. С. 22; Сафонов М. М. Указ. соч. С. 116; Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 63; Семевский В. И. Указ. соч. С. 157; История Правительствующего сената. С. 26; Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 44; Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Око государево. Российские прокуроры. XVIII век. С. 240.

«простой народ, всегда жаждущий свободы», «по неразумию» может выйти из повиновения (особенно в начале царствования), посчитав, что начальство скрывает от него данную царем свободу. На самом деле, члены Совета выражали мнение основной массы дворян, не желавших расставаться даже с частью своих прав на крепостных. Проект указа был исправлен, и 16 мая сам Александр I явился на заседание, стремясь убедить вельмож. Но тщетно! Считается, что государь не ожидал оппозиции по этому вопросу. Александр Павлович не рискнул настаивать, понимая, чем ему может грозить недовольство дворянства. Он только предписал именным указом от 28 мая не печатать объявлений о продаже людей без земли в «Ведомостях». Поскольку эти газеты находились в ведении Академии наук, указ предназначался ее президенту барону Блудову[32]. К подобным мерам, пусть в малой степени, но ограничивавшим права крепостников, можно отнести и именной указ от 8 мая. Он уточнял, что по ревизии за теми помещиками, которым пожалованы целые «селения», числить все «ревизское число душ». За помещиками же, кому жаловались отдельные семьи, «числить» только тех, кто принадлежит к этим семьям «по родству»[33].

На пользу всего крестьянства «работал» именной указ от 2 апреля, предписывавший Адмиралтейской коллегии «предоставить» леса, доставшиеся «в надел» крестьянам, в ведение и распоряжение волостных правлений. Государственная власть проявляла заботу о преодолении малоземелья казенных и удельных крестьян. Сенатский указ от 13 июня обязывал оставить селениям казенных крестьян «примерные земли», если по последней ревизии обнаружится, что на душу недостает земли по «пропорции». При межевании земель Симбирской, Саратовской и Оренбургской губерний именным указом от 26 июня предписывалось выдерживать для удельных крестьян «пропорцию» в 15 десятин на душу. Хорошо известно, что помещики нередко спорили с однодворцами из-за земель. Симптоматично, что государственная власть (пусть в конкретном случае – в селе Устенке Курской губернии) встала на сторону однодворцев: именным указом от 8 апреля их земли было велено отделить от помещичьих, даже если помещики будут не согласны[34].

Из 153 указов и манифестов государственной власти, принятых с 12 марта по конец июня 1801 г., 24 (свыше 15 %) относятся к военному ведомству. Помимо предписаний, касающихся униформы, амуниции, а также формы и времени подачи рапортов и донесений начальству, отметим более значимые распоряжения. Обычно именные указы Военной коллегии или определенным генералам объявлял генерал-адъютант граф К. А. Ливен. 8 апреля было указано, что при вступлении дворян на военную службу необходимо отмечать уровень грамотности (государь сетовал, что в полках «очень много» неграмотных унтер-офицеров из дворян). Отныне неграмотных дворян повелевалось принимать на службу лишь рядовыми. 6 мая было приказано переводить нижних чинов из одного полка в другой «по настоящей только необходимости» (эта мера должна была способствовать большей слаженности полков как боевых единиц). Патенты на обер-офицерский чин 19 мая указывалось давать на таких же основаниях, как до 1796 г. (возврат к екатерининской практике). 24 июня была учреждена Военная комиссия «для рассмотрения положения войск и устройства оных». Комиссии назначалось определить необходимую численность всей сухопутной армии, в том числе по родам войск, вплоть до полков и рот. Ей предписывалось изучить вопросы продовольствия, обеспечения лошадьми, обмундирования и вооружения.

К данному разделу примыкают распоряжения об армейских священнослужителях. Получивший высочайшее утверждение синодский указ от 15 марта посвящался пенсиям

[32] ПСЗ. Т. 26. № 19892; Архив Государственного совета. С. IX, 761–764; Герцен А. И. Указ. соч. С. 25; Сафонов М. М. Указ. соч. С. 98, 102, 106.

[33] ПСЗ. Т. 26. № 19860.

[34] Там же. № 19815, 19823, 19914, 19930.

полковым священникам и их семьям. Прослужившим более 20 лет полагалась пенсия 100 рублей в год. Та же сумма выдавалась, если срок службы был меньшим, но семья большая. Эта пенсия распространялась на семью, если священник умирал во время службы в армии. По именным указам Синоду от 14 апреля велено было назначать священников в армию и флот, а от 19 апреля – не отдавать распоряжений обер-священнику (старшему военному церковнослужителю) без участия и согласия Синода[35]. Ряд именных и сенатских указов касался центральной и местной администрации. 16 марта отменялась введенная Павлом I практика выборов купцов в члены Коммерц-коллегии (эта мера может быть рассмотрена как возврат к излишней бюрократизации учреждения, ведавшего вопросами торговли). На следующий день, 17 марта, был принят указ, восстанавливавший прежнюю (допавловскую) «форму отношений между военными и гражданскими местами и начальниками». Из числившейся на городах суммы недоимок 14 апреля исключалась часть, составившаяся из излишков жалованья магистратских членов (то есть последним были прощены переплаты жалованья). Выборы «чиновников и урядников» по «тамошним правилам» 17 апреля разрешались в губерниях: Малороссийской, Литовской, Минской, Волынской, Подольской, Киевской и Белорусской. 11 мая было определено, что полиция подведомственна местному гражданскому начальству, комендантам или военным губернаторам, имеющим и гражданскую власть. Особо подчеркивалось, что командиры воинских частей не имеют права вмешиваться в дела городского управления и полиции. Указ от 26 июня отменял павловское нововведение – шлагбаумы в городах и селениях, где нет военных гарнизонов.

Имелись также распоряжения о штатах чиновников отдельных ведомств. К административным делам относится и именной указ от 15 мая о военных постоях, данный московскому генерал-губернатору. Приводятся любопытные цифры: в 1801 г. в городе числилось 8,5 тысячи домов, а в них «покоев» – 50 тысяч. Уволены от постоев 6,1 тысячи домов с 33,5 тысячи «покоев» (либо освобождены «особым повелением», либо платят за постройку в городе казарм). Под постои в Москве оставлены 2,4 тысячи домов с 16,5 тысячи «покоев». В указе освобождались от постоя наемные квартиры чиновников, постройка казарм для кирасирского полка отложена, а выделявшиеся на это суммы теперь «с обывателей» не взимались[36].

Финансовые вопросы также нашли свое отражение в именных указах. 3 апреля Государственному казначейству было предписано высылать суммы денег «во все места по расписанию, не отдавая в сем преимущества Военному департаменту». 13 апреля были подтверждены «права и преимущества», присвоенные Государственному заемному банку (основан в 1786 г.). Сенатский указ от 20 мая требовал немедленного взыскания казенных недоимок (по таким оброчным статьям, как подряды, поставки и откуп, по 35 губерниям насчитывалось 643 тысячи рублей). Император утвердил 28 мая сенатский доклад о воспрещении употреблять польскую медную монету в торговле, о «перелитии» ее в Киеве в слитки и продаже их. Экономия средств предполагалась вследствие указа от 19 мая о запрете Придворной конторе использовать сверхштатных служителей[37].

Интересов православной церкви касались: именной указ от 3 апреля, освобождавший прихожан от обязанностей по обработке церковной земли (при этом определенная в 1763 г. плата священникам за исправление треб удваивалась); синодский указ от 30 мая, запрещавший без ведома Синода забирать в гражданскую службу студентов духовных академий и семинарий. Иезуитам 11 мая подтверждались их права в соответствии с Жалованной грамо-

[35] Там же. № 19781, 19787, 19789, 19825, 19827, 19835, 19843, 19854–19855, 19859, 19861, 19863, 19867, 19874– 19875, 19879, 19889–19890, 19893–19894, 19900, 19926, 19931.

[36] Там же. № 19792, 19796, 19837, 19839, 19848, 19866, 19869, 19918, 19929.

[37] Там же. № 19819, 19834, 19876, 19880, 19891; Боровой С. Я. Указ. соч. С. 64.

той 1769 г.; «менонистов», проживавших на помещичьей земле в Малороссийской губернии, переселяли на казенные земли и предоставляли им 23 мая права, пожалованные «новороссийским менонистам»[38].

Политика покровительства иностранным колонистам и путешественникам нашла отражение в указах: 27 апреля о приеме французов в России на том же основании, как и других иностранцев, и о запрете помещикам записывать за собой иностранцев, которым предоставлялась свобода в выборе занятий. 16 мая была принята инструкция по внутреннему распорядку и управлению новороссийских иностранных колоний[39].

Довольно много распоряжений верховная власть отдала по вопросам торговли, откупов и промышленности. 10 апреля отменили положение 1800 г., по которому при вывозе за рубеж полотна определенная часть отдавалась «натурой» в пользу комиссариата (то есть для военного снабжения). Запрет на ввоз в Россию игральных карт последовал 26 апреля из-за действовавшего откупа в пользу воспитательного дома. Жителям «присоединенных от Польши губерний» 30 мая разрешалось вывозить за границу поташ через наиболее удобный для них пункт – Рожеямпольскую пограничную заставу. По-прежнему в пользу приказов общественного призрения было предписано 19 апреля взыскивать штрафы с откупщиков, подрядчиков и поставщиков вина и соли. Ввиду того, что откупщики «препятствовали» понижению цены на соль, что «отягощало» местное население, в мае не был продлен откуп «о продовольствии крымской солью» западных губерний. 3 июня Сенат опубликовал правила по производству торгов по откупам. 15 июня он же распорядился отдать повсеместно оброчные статьи на 12-летний откуп (если откупная сумма превышала 10 тысяч рублей, то договора представлялись в Сенат).

Предпринимателей и ремесленников 14 апреля освободили от обязанности присылать образцы своих изделий в Мануфактур-коллегию для клеймения. Открывателей «рудников» поощрял именной указ от 6 июня о выдаче награждения не только казенным мастеровым, но и всем, кто совершит подобное открытие. Сенатский указ от 23 июня предписывал не принимать к протесту и взысканию векселя, написанные не на гербовой, а на простой бумаге. Записавшихся в купечество или мещанство крестьян такой же указ от 30 июня велел высылать из сельских поселений (в соответствии с указами 1781–1782 гг.)[40].

Известно, что Александр I лишь дважды лично присутствовал на заседаниях Государственного совета по вопросам внутренней политики. Первый раз – 16 мая 1801 г., когда рассматривался проект указа о непродаже крепостных без земли (см. выше). Второй раз государь посетил заседание 27 мая: основной темой стало «устроение» Сибири. 9 июня вышел именной указ «Об обозрении Сибирского края». В нем ставилась задача «объять весь сибирский край», решить: соответствует времени разделение Сибири на три губернии (Пермскую, Тобольскую и Иркутскую) или нужно предложить иное территориальное деление? Далее – собрать все географические, статистические и прочие сведения о крае, описать положение, занятия и нравы местного населения. На этой основе составить записку, где должны содержаться «нужные предположения» по данной теме[41].

Вопросы культуры и образования также присутствовали в решениях Александра Павловича. «Чиновники» Московского университета именным указом от 7 апреля были освобождены от постойной повинности. Перемещенный павловским указом в Митаву университет 12 апреля вновь был возвращен на прежнее место – в Дерпт (здесь он находился «на средоточии» трех прибалтийских губерний: Рижской, Ревельской и Курляндской). В Митаве

[38] ПСЗ. Т. 26. № 19816, 19865, 19887, 19897.

[39] Там же. № 19851–19852, 19873.

[40] Там же. № 19829, 19836, 19842, 19849, 19895, 19899, 19902, 19909, 19919, 19925, 19932.

[41] Там же. № 19910; Архив Государственного совета. С. IX–X.

именным указом от 11 мая было предписано оставить гимназию и не переводить ее вместе с университетом в Дерпт. Президенту Академии наук барону Николаи именным указом от 15 мая поручалось составить регламент Академии и наладить чтение публичных лекций. Таким же образом 30 мая Вольному экономическому обществу было пожаловано место в Петербурге на Петровском острове. Одобренный императором сенатский указ от 14 июня разрешал помещать в печатных календарях гораздо больше сведений, чем это было в предыдущее царствование. Поскольку в некоторых губерниях на должностях директоров народных училищ состояли случайные люди, именной указ от 20 июня требовал назначать туда «сведующих в науках и известных своей нравственностью». Поддержкой начинания симбирского дворянства на ниве благотворительности выступил именной указ от 11 июня о разрешении открыть в Симбирске больницу[42].

В рассматриваемый период верховная власть сделала несколько распоряжений, касающихся почтового ведомства (20 июня – об отсылке «излишних» сумм в Государственный заемный банк; 17 апреля и 15 июня – о деньгах за корреспонденцию императорской фамилии; 22 мая – о почтовых конторах в прибалтийских губерниях); отметила (именной указ от 21 мая), что главным делом «опекунов и попечителей» малолетних и иных являются уплата долгов и составление соответствующих отчетов; предписала калужскому губернатору (23 апреля) не предавать суду «поврежденных в уме людей» по обвинению в убийстве[43], а также решала некоторые частные вопросы.

Внутриполитические шаги Александра I в марте – июне 1801 г. были связаны прежде всего со стремлением освободиться из-под опеки руководителей заговора 12 марта. Борьба по этому вопросу не предавалась особой огласке. Но такие решения, как отставка графа П. А. Палена, становились известны всем. Император стремился отменить непродуманные, нередко приносившие прямой вред решения отца. И часто приходилось возвращаться к установлениям Екатерины II. Еще не имея моральной поддержки друзей, государь пытался приступить к решению крестьянского вопроса и административным преобразованиям. В указах и манифестах этого времени видна линия на гуманизацию внутренней политики, проводилось снятие ряда запретов и ограничений в отношении повседневной жизни населения.

[42] ПСЗ. Т. 26. № 19821, 19831, 19864, 19871, 19896, 19912, 19915, 19923.

[43] Там же. № 19840, 19846, 19881, 19883–19884, 19917.

Глава третья
«Негласный комитет»

Собравшийся на свое первое заседание 24 июня 1801 г. в присутствии Александра I так называемый «Негласный комитет» не имел никакого официального статуса. Собственно говоря, это был кружок лиц, уже давно известных государю и близких ему по взглядам. Часто этих людей называли и называют «молодыми друзьями» Александра Павловича, прямо отмечая или намекая на их неопытность. Но все они, как мы уже писали, были старше двадцатитрехлетнего императора. Да и их возраст (Н. Н. Новосильцову – 40, графу В. П. Кочубею – 33, князю А. Чарторыйскому – 31, графу П. А. Строганову – 29 лет) по меркам того времени уже предполагал пору мужской зрелости. И неопытными людьми их назвать нельзя: на русской дипломатической службе уже успели побывать Кочубей и Чарторыйский, состоявший в екатерининские времена на военной службе Новосильцов имел чин подполковника, а Строганов в апреле 1801 г. был назначен обер-прокурором Сената. Все они были хорошо образованы и подолгу жили за границей. Понятно, почему большинство екатерининских вельмож отзывалось об александровских друзьях пренебрежительно. Последние отвечали им обвинениями в косности и непонимании современных задач.

Шестнадцатилетняя на тот момент княжна Р. С. Стурдза (в замужестве – графиня Эдлинг) считала, что это люди «без дарований и опытности». Ей вторил Ф. Ф. Вигель (которому в 1801 г. исполнилось пятнадцать лет): В. П. Кочубей умел искусно прятать свои недостатки, и вообще на нем природа отдыхала (Вигель имел в виду большие способности его дяди – канцлера А. А. Безбородко), А. Чарторыйский – «непримиримый враг России», П. А. Строганов – человек «ума самого посредственного», Н. Н. Новосильцов, хотя и «выше умом» названных, но считает, что «великий разврат не мешает быть великим человеком». Конечно, эти современники писали свои мемуары в зрелом возрасте и могли с кем-то сводить личные счеты или же о ком-то судить на основании мнений родственников и друзей. Но вот П. Г. Дивов обвинял Кочубея в честолюбии и мелочности и вкупе с Новосильцовым в полном незнании дел в своем отечестве. Княгиня Е. Р. Дашкова «с грустью» отмечала, что Александр I «окружил себя молодыми людьми», которые «небрежно» относились к людям пожилым и опытным.

Историк XIX в. М. И. Богданович давал такие характеристики нашим героям: Н. Н. Новосильцов – «человек со светлым умом, образованный и в некоторой степени ученый», хорошо знал Англию, но не знал Россию, он считался малоспособным к постоянным и усидчивым занятиям; князь А. Чарторыйский «получил всестороннее образование», но многие русские его не любили, «видя в нем заклятого врага России» и сторонника восстановления польской государственности; граф П. А. Строганов – человек «с прекрасной и благородной душой, начитанный и приятный в беседе», но его влияние на дела основывалось лишь на тесном союзе с вышеназванными лицами; граф В. П. Кочубей также «знал Англию лучше России» и т. д. А. Н. Пыпин, однако, пенял М. И. Богдановичу за подобные характеристики, полагая, что они бросают «тень» на ближайших соратников императора[44]. Мы обратились к оценкам членов «Негласного комитета» для того, чтобы читатель понял, что к этим лицам было много претензий и они отнюдь не являлись абсолютными авторитетами среди политически мыслящих людей того времени.

[44] Богданович М. И. Указ. соч. С. 73–81; Дивов П. Г. Указ. соч. С. 83; Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 60, 75, 77–79; Дашкова Е. Р. Указ. соч. С. 204; Державный сфинкс. С. 161; Вигель Ф. Ф. Указ. соч. Кн. 1. С. 182, 215–217.

Один из членов «Негласного комитета» князь А. Чарторыйский в своих мемуарах, написанных, правда, значительно позже, так отзывается о своих товарищах и о самом комитете. Он выделяет его «ядро» – Чарторыйский, Новосильцов и Строганов (в обществе тогда даже называли их «триумвиратом»), группу единомышленников. Князь Адам даже вспоминает о «девизе» этой группы: стоять выше личных интересов и не принимать «ни отличий, ни наград». Это внушало Александру I особое уважение к друзьям. Но только Чарторыйский остался единственным носителем этого «девиза». Остальным же он «не всегда приходился по вкусу». Причину последовавшего затем охлаждения императора к членам комитета автор видит в том, что он стал «тяготиться» этими сотрудниками, желавшими выделяться отказами от наград, к которым все «так жадно стремились». Иначе говоря, по словам князя Адама, Александру Павловичу надоели «белые вороны».

Четвертым членом комитета стал граф В. П. Кочубей. Ему мемуарист дает подробную характеристику: европеец с прекрасными манерами, по характеру мягкий, добрый, искренний, имевший «навык в делах», однако тщеславен, обладал «точным», но неглубоким умом, ему недоставало широких и действительных знаний. Резюмируя оценку личных качеств друзей императора, Чарторыйский пишет: в комитете самым пылким был Строганов, самым рассудительным – Новосильцов, самым осторожным – Кочубей. Себе автор отвел роль самого бескорыстного. Пятым членом комитета князь Адам называет приехавшего в Петербург Ф. С. Лагарпа. Правда, он не присутствовал на заседаниях, но часто беседовал с государем и подавал ему различные записки. Чарторыйский, высказываясь от имени всех членов комитета, заметил, что Лагарп показался «ниже» той репутации и мнения, которые о нем составил Александр I. Он принадлежал к поколению, воспитанному на «иллюзиях» конца XVIII в., считавшему, что их доктрины разрешали все вопросы. Мемуарист полагал, что и мнение о Лагарпе государя «начало колебаться». Да и влияния на реальные дела в Петербурге швейцарец почти не имел. О самом Александре Павловиче того времени Чарторыйский говорит, что о прежних либеральных мечтаниях «нет и речи». Государь «поддавался влиянию» «старых» политических деятелей, однако никем из них не был доволен. Император не соглашался и на советы немедленно принять «энергичные меры».

Члены «Негласного комитета» в то время могли являться к столу императора без предварительного приглашения. Собрания происходили два-три раза в неделю (на самом деле реже). В беседах с императором затрагивались все сколько-нибудь значимые вопросы. Долгое время от этих бесед не было практической пользы, но все проведенные преобразования «зародились» на этих совещаниях. Поначалу друзья стали выражать неудовольствие по поводу отсутствия практических результатов, торопили государя и призывали к энергичным мерам (прежде всего по замене людей с устаревшими взглядами на более молодых и современных). Александр Павлович склонен был идти путем «частичных соглашений и осторожных попыток». Чарторыйский объясняет это не только особенностью характера императора, но и тем, что он еще не чувствовал себя прочно сидящим на троне[45].

Граф П. А. Строганов оставил нам подробную запись речей, произнесенных на заседаниях «Негласного комитета». Он занимался этим дома, вечером после каждого заседания, по памяти. Разумеется, это не протоколы комитета. Однако Строгановым проделана очень важная и добросовестная работа. Свое изложение вопросов, поднятых на первом заседании (24 июня), Строганов начал с утверждения, что четыре лица, «удостоенные доверием» государя, должны были участвовать «в систематической работе над реформой безобразного здания государственной администрации». То есть на первый план сразу же выдвигались преобразования в государственном управлении. Император согласился с предложением друзей,

[45] Богданович М. И. Указ. соч. С. 72; Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. С. 232–238.

что сначала нужно «иметь перед глазами картину настоящего состояния империи во всех ее частях». За эту работу взялся Н. Н. Новосильцов. Поскольку она требовала времени, Александр I одобрил предложение рассматривать данный труд по частям. Только после завершения этой работы можно было приступить к реформе «различных частей администрации». Таким образом, были намечены три этапа в деятельности комитета в этом направлении: 1. Изучить действительное состояние государства; 2. Совершить административные реформы в различных частях управления; 3. «Увенчать преобразования составлением уложения» (то есть законодательства), которое бы придало реформам прочность. В порядке подхода к первому этапу наметили разделить труд Новосильцова на три вопроса: первые два – внешнеполитические (состояние армии и флота и отношения с другими государствами) и последний – внутриполитический. Этот последний вопрос, наиболее интересующий нас, Строганов подробно раскрывает. Члены комитета выделяли его статистический и административный аспекты. К «статистике» они отнесли торговлю, пути сообщения, земледелие и промышленность. К «администрации» – помимо вопросов управления, юстицию, финансы и законодательство.

Перейдя к частностям, на первом заседании коснулись проблемы военного флота. «Дурное его состояние» приписали неспособности главы Адмиралтейской коллегии адмирала графа Г. Г. Кушелева. По мнению Александра I, он «не имел… никаких достоинств, кроме того, что был лично угоден императору Павлу». Государь желал найти ему подходящего преемника. Тут же он был найден: им стал адмирал Н. С. Мордвинов (правда, решили еще навести о нем справки у опытных моряков). Забегая вперед, скажем, что в августе 1801 г. Кушелев получил отставку, а вместо него был назначен Мордвинов (25 сентября введен в Государственный совет).

Далее Строганов заметил, что император «выразил нетерпение перейти прямо к административному отделу и начал говорить о Сенате». По-видимому, это была для Александра Павловича больная тема. Как мы помним, 5 июня он уже распорядился, чтобы Сенат сам составил доклад о своих правах и обязанностях. Общим решением «положили» поручить графу П. В. Завадовскому подготовить соответствующую записку, на основании которой собирались «приискать вернейшие средства к приведению в надлежащий порядок этого учреждения». Государь не был доволен личным составом сенаторов, доставшимся ему в основном от предыдущего царствования. Он желал, чтобы ими становились «действительно способные» выполнять эти обязанности люди. Более того, Александр Павлович высказал мнение, чтобы каждый губернатор представил бы от себя двух кандидатов в сенаторы. Новосильцов, не отвергая этой мысли, засомневался в том, что губернаторы предложат действительно способных людей, чем «поразил» государя. В конце заседания пришли к выводу, что прежде нужно ознакомиться с «болезнью», а уже потом прописывать соответствующее «лекарство»[46].

На заседаниях 1 и 10 июля основное внимание было обращено на вопросы внешней политики. Однако присутствовавшие коснулись и политики внутренней. 1 июля Н. Н. Новосильцов «утверждал», что «в войсках упал дух и исчезло чинопочитание» (то, что именно он заговорил об армейских делах, понятно, поскольку он являлся единственным служившим по военной части). Александр I согласился со вторым замечанием, отвергнув первое (государь сослался на примеры мужества войск во время суворовской кампании в Италии). Поскольку 24 июня была образована Военная комиссия (см. выше), то «распространяться» по этому вопросу не стали. В конце Новосильцов представил свой доклад «О способе работ

[46] Извлечения из заседаний «Неофициального комитета» // Богданович М. И. Указ. соч. С. 38–40; Архив Государственного совета. Т. 3. Ч. 1. С. IV, 6; Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 2. С. 45–46; Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи Александра I. Т. 2. С. XIII; Сафонов М. М. Указ. соч. С. 124; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 116.

Его Величества с министрами» (хотя в то время официально были только два министра: по делам уделов и коммерции, но министрами могли называть и других глав ведомств). Автор доклада указывал на очевидные для членов комитета недостатки, в частности на «подсовывание» министрами в спешке указов государю на подпись. При этом часто по судебным делам случались ошибки. Члены комитета посоветовали императору непосредственно не вмешиваться в решение подобных дел. Александр Павлович, соглашаясь в принципе с мнением друзей, «затруднялся» следовать этому на практике, так как он должен был реагировать на подаваемые ему апелляции на решения Сената. 12 июля члены комитета резко критиковали министра коммерции князя Г. П. Гагарина. Они обвинили его в «недобросовестности» и «неосновательности» его выводов, содержащихся в представленном отчете о таможенных доходах. Опять (как и в случае с адмиралом Кушелевым) критика в «Негласном комитете» стоила князю Гагарину карьеры: он получил отставку и в конце 1801 г. выбыл из Государственного совета[47].

15 июля все время было посвящено обсуждению подготовленного по поручению императора графом Александром Романовичем Воронцовым проекта высочайшего манифеста, который предполагалось обнародовать по случаю предстоящей коронации. Знаменательно, что Александр I поручил двум выходцам из одной «партии» – графам П. В. Завадовскому и А. Р. Воронцову – составить важные документы о правах и привилегиях Сената (см. выше) и Манифест по случаю коронации. Хотя, по свидетельству Н. К. Шильдера, государь Завадовского «признавал ничтожеством», а к Воронцову «питал непреодолимое отвращение». Александр Павлович вообще не любил, когда при нем вспоминали о царствовании Екатерины II. Но ведь эти вельможи и состоялись как государственные деятели в то время. Современники отмечали, что из екатерининских вельмож ближе всех к членам «Негласного комитета» стоял А. Р. Воронцов и пользовался их уважением (неслучайно он вскоре получил пост канцлера). Современная исследовательница Н. В. Минаева опубликовала текст этого документа (называвшегося «Всемилостивейшей жалованной грамотой»). Его автором являлся граф А. Р. Воронцов (А. Н. Радищев – соавтор по отдельным вопросам). Н. В. Минаева считает, что «Всемилостивейшая жалованная грамота» – проект первой русской конституции. Однако все ее положения исходят от монарха. Вот их суть. Государь подтверждал, что для него главное: «благоденствие» подданных, сохранение благополучия, спокойствия и целости Российского государства и народа. Важна фраза: «Не народы сделаны для государей, а сами государи промыслом Божьим установлены для пользы и благополучия народов». Особая комиссия по законодательству (графа П. В. Завадовского) должна была его «поправить», чтобы обеспечивалась безопасность личности и собственности «каждого». Особо подтверждались все права и преимущества дворянства и городских обывателей (упомянуты указы и грамоты Петра III и Екатерины II). Провозглашалась свобода мысли, «веры или исповедания», слова, «письма и деяния», если нет противоречия с законом. Неоднократно было заявлено право российского подданного на личную безопасность и собственность. Несколько статей посвящены вопросам судопроизводства: если обвинение не доказано, то обвиняемый не считается преступником, он имеет право пользоваться в суде своим «защитником» и «отвергнуть судей»; заключать под стражу кого-либо может только имеющий на то законную власть; если в течение трех дней задержанный не предстанет перед судом и ему не будет предъявлено обвинение, то его обязаны освободить. По всем делам интересы казны не должны были быть выше интересов частного лица и т. д.

Итак, 15 июля в «Негласном комитете» началось обсуждение этого проекта графа А. Р. Воронцова. Обратив внимание на то, что ряд положений повторяют статьи екатерининской Жалованной грамоты 1785 г., собравшиеся начали рассуждать о лишении негра-

[47] Извлечения из заседаний. С. 40–41; Архив Государственного совета. С. IV.

мотных дворян и крепостников-деспотов права присутствовать на дворянских собраниях (Н. Н. Новосильцов), о разграничении в правах служилого и живущего «в праздности» дворянства (Александр I). Государь при этом заметил, что восстановил Жалованную грамоту дворянству «против собственной воли», а исключительные права дворянства были «всегда ему противны». Друзья сказали, что со временем ничего не мешает распространить эти права на прочие сословия. Последней репликой император остался доволен. Выяснилось «неблаговоление» Александра Павловича к проекту и самому А. Р. Воронцову. Последнего взял под защиту князь А. Чарторыйский: хоть Воронцов и стар, но «идеи его молоды» и т. д. Однако Александр I не согласился с мнением своих соратников по комитету о графе Воронцове.

К заседанию 23 июля Н. Н. Новосильцов подготовил свои замечания на проект А. Р. Воронцова. После их «прочтения» «прения» сосредоточились на двух вопросах: о разрешении крестьянам приобретать общинные земли и об уничтожении шлагбаумов (именной указ был принят еще 26 июня – см. выше) и «паспортных формальностей». Касательно первого вопроса друзья императора трактовали разрешение крестьянам покупать землю «как первый шаг» в деле узаконивания крестьянской собственности. По второму вопросу «возник довольно жаркий спор», в ходе которого члены комитета, заметив «утомление государя», перешли к обсуждению вопросов судопроизводства по проекту Воронцова. Хорошо знавшие английскую жизнь, они сразу же определили, что граф заимствовал положения Habeas corpus act. Н. Н. Новосильцов отметил, что лучше не давать такого права, если власть может быть вынуждена его нарушать. Александр I сразу же признался, что сделал по этому поводу замечание Воронцову.

По сути дела, на этом обсуждение проекта графа А. Р. Воронцова в «Негласном комитете» завершилось. В конце заседания граф В. П. Кочубей сделал неудачную попытку убедить восстановить должность генерал-губернатора (император этому воспротивился). «Прервав разговор», Александр I показал друзьям проект князя П. А. Зубова по крестьянскому вопросу. Он охарактеризован как «заключавший в себе отвлеченные идеи, без применения к действительному положению страны». Члены комитета «предпочли» письменно изложить свои мнения о проекте Зубова[48].

Как видим, Александр Павлович (да и его друзья) не готов был принять проект воронцовской «Жалованной грамоты», которую можно рассматривать как конституционный акт. В ней подробно говорилось о правах личности, различных свободах, что соответствовало положениям буржуазных конституций. Причем все права и свободы у А. Р. Воронцова признавались за всеми подданными, следовательно – и за крепостными! Да, граф оказался гораздо большим либералом, чем государь и его друзья. Заметим также, что 15 сентября 1801 г. был обнародован Манифест по случаю коронации Александра I, составленный в традиционной форме дарования «милостей» народу (о нем ниже).

29 июля граф В. П. Кочубей рассказал о своей неудачной попытке склонить адмирала Кушелева к добровольному выходу в отставку. Государь не желал, чтобы его обвиняли «в произволе» и поручил Кочубею снова поговорить с адмиралом от своего имени. Затем зашла речь о предстоявшей коронации. Император пожелал пробыть в Москве не более шести недель (вспомним, что коронационные мероприятия могли затягиваться и на полгода). Говоря о милостях, Александр Павлович зарекся давать кому-либо крестьян и пожелал, чтобы представления о наградах были сделаны заблаговременно. В конце вспомнили о проекте князя П. А. Зубова, предлагавшего не разрешать продажу крепостных без земли

[48] Извлечения из заседаний. С. 42–43; Богданович М. И. Указ. соч. С. 86; Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 89; Мемуары князя Адама Чарторыйского. С. 264–265; Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 2. С. 75–79; Окунь С. Б. Указ. соч. С. 136; Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. С. 41–51; Она же. Век Пушкина. С. 149–160; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 119–120.

(мы помним, что это же решение безуспешно пытался провести через Государственный совет Александр I) и советовавшего запретить владение дворовыми людьми, которых казна должна выкупить у помещиков. Сами же бывшие дворовые должны быть записаны в цеховые, мещане или купечество. Н. Н. Новосильцов сказал, что предложенный князем выкуп дворовых людей у помещиков потребует «огромных сумм». Александр I приказал их подсчитать, а сам проект Зубова рассмотреть по статьям в комитете. Далее в записях сказано, что до конца 1801 г. члены комитета занимались в основном двумя вопросами: крестьянским и «преобразованием Сената»[49].

В августе 1801 г. «Негласный комитет» приступил к рассмотрению записок, касавшихся сенатской проблемы. Тогда же в Петербург приехал Ф. С. Лагарп. Хотя он, как уже отмечалось, не участвовал в заседаниях комитета, но, часто общаясь с Александром I, мог косвенно влиять на ход дискуссий. Прежде чем остановиться на обсуждении темы Сената, обратимся к творчеству Павла I. В «собственноручной записке» он называет Сенат «единственно судебным местом», точнее – высшей судебной инстанцией, куда бы направлялись дела, не входившие в компетенцию «нижних судебных мест». По тем делам, которые «выходили из власти» Сената, докладывалось государю.

Поскольку, как мы помним, проект реформы Сената было поручено подготовить графу П. В. Завадовскому, обратимся к этому документу. Завадовский определил Сенат как «верховное место всякого исполнения законов и высшее судилище по гражданским и уголовным делам». Следовательно, автор видел в Сенате высшую исполнительную и судебную власть. В соответствии с его документом, Сенат имеет право и обязан «делать представления» императору. В случае разногласий сенаторов доклад «вносится» государю. Права Сената: непосредственно управляет всеми присутственными местами империи, назначает «образ исполнения законов», дает указы по делам, производящимся в подчиненных ему местах, «наполняет» все места чиновниками (кроме избираемых от дворянства). Привилегии Сената: все жалобы государю на подчиненные ему места рассматриваются в Сенате, все его определения «почитаются правосудными и беспристрастными», «не преемлются» жалобы на общее собрание Сената, в своих мнениях Сенат свободен. Наконец, все департаменты Сената равны. 19–20 июля 1801 г. в Сенате высказывались замечания на доклад Завадовского, и 26 июля он был принят в окончательной редакции.

Одновременно появились записки Г. Р. Державина и графа А. Р. Воронцова. Державин в своих воспоминаниях отмечал, что через князя П. А. Зубова император поручил ему написать «организацию или устройство» Сената. Оно было написано «в духе Екатерины», сообразно ее учреждению об управлении губерний, когда выделялись четыре власти: законодательная, судебная, исполнительная и «оберегательная», но соединялись они «в единственной воле монарха». То есть Сенат – есть орудие государя, и в нем сосредоточены все эти четыре власти. Графов Воронцова и Завадовского Державин, как известно, обвинял в желании «ослабить самодержавную власть и присвоить больше могущества Сенату». Он приводил в пример их предложения, чтобы Сенат «располагал доходами» и «совершал смертную казнь без конфирмации государя». Однако граф А. Р. Воронцов в своей записке также настаивал, чтобы Сенату принадлежала вся власть. С. Б. Окунь считает, что в трактовке Воронцова Сенат приобретал «некоторое подобие конституционного учреждения». Во всяком случае, он должен был служить «гарантией от личного произвола царя», а все повеления государя – проходить через Сенат. В таком виде этот орган выглядел бы соправителем Александра I. При этом Г. Р. Державин и сенатор адмирал Н. С. Мордвинов предлагали выборность если не всех, то части сенаторов.

[49] Извлечения из заседаний. С. 43–44; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 121.

5 августа «Негласный комитет» начал рассматривать вопросы, связанные с положением Сената. Н. Н. Новосильцов выступил с характеристикой сенатского доклада (на основании записки Завадовского) и мнений сенаторов. Он ухватился за главное и отметил, что «не следует» считать Сенат законодательным учреждением (он сослался на функции Сената при Петре I и отметил, что придание этому органу законодательных функций «свяжет руки» монарху). Конечно, законодательный орган, по европейской традиции, – это парламент или хотя бы одна из его палат. Разумеется, делать парламент из Сената ни Петр I, ни его преемники не собирались. В итоге Новосильцов пришел к выводу, что следует «ограничить Сенат судебной властью», то есть принять мнение Павла I (см. выше). Однако он посоветовал Александру Павловичу утвердить сенатский доклад, «пополнив его сообразно с мнениями графа Воронцова и Державина». Государь на это спросил: не лучше ли отложить решение этого дела пока Державин не представит свое «объяснение». Граф П. А. Строганов далее пишет, что «мы думали иначе». Державин, на взгляд членов комитета, «предлагал весьма ошибочное разделение властей», которые он думал соединить в Сенате. Н. Н. Новосильцов даже поведал «об истинных началах разделения властей», то есть прочитал лекцию об этой буржуазной теории. Чтобы выйти из затруднительного положения, друзья предложили императору поручить Д. П. Трощинскому написать указ «на основании доклада». Александр Павлович вроде бы одобрил эту идею, «но не высказался решительно» (распоряжение Трощинскому последовало 13 августа). Он предложил друзьям заслушать записку Воронцова и стал сам ее зачитывать. Текстом Александр I «остался недоволен». Главным «недостатком» он признал «облечение всею властью Сенат» и сказал, что последнему «надлежит предоставить судебную власть и ничего более». Как видим, и Александр Павлович разделял взгляды отца по этому вопросу. Далее комитет занялся рассмотрением частных дел, которые вряд ли соответствовали задачам этого органа. В заключение друзья стали просить императора поскорее отправить в отставку Кушелева, на что он обещал действовать через своего флигель-адъютанта[50].

На заседании «Негласного комитета» 13 августа рассматривались внешнеполитические дела. 26 августа зачитывался список наград по случаю коронации. Причем членам комитета опять пришлось уговаривать Александра I отметить заслуги графа А. Р. Воронцова производством его в действительные тайные советники 1 класса. «Неудовольствие» же императора на графа Н. П. Панина никто из друзей не оспаривал (Панин, как уже было сказано, вскоре, в сентябре, был отправлен в отставку)[51].

В сентябре 1801 г., когда государь, его друзья и двор были на коронации в Москве, граф П. А. Строганов зафиксировал только одно собрание «Негласного комитета» на его квартире (11 сентября). Правда, присутствовали кроме государя лишь Строганов и Н. Н. Новосильцов. Александр Павлович выразил признательность графу Н. И. Салтыкову «и прочим лицам, участвовавшим в его воспитании». По поводу пожалования графу А. Р. Воронцову чина 1 класса государь все еще раздумывал и сказал, что поговорит об этом с Д. П. Трощинским. Когда Александр I спросил друзей о награде графу В. П. Кочубею, они посоветовали подарить ему дом стоимостью в 60 тысяч рублей. Однако Александру Павловичу «это показалось слишком много». Далее присутствовавшие перешли к сенатскому вопросу. Речь зашла о записках Г. Р. Державина и князя П. А. Зубова. Князь высказывал мысли, близкие державин-

[50] Извлечения из заседаний. С. 44–47; Бумаги комитета 6 декабря 1826 года, касающиеся преобразования высшего государственного управления // Сборник РИО. Т. 90. С. 146; Богданович М. И. Указ. соч. С. 92; Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 90–91; История Правительствующего сената за двести лет. 1711–1911. Т. 3. С. 32–48; Семевский В. И. Указ. соч. Т. 2. С. 158, 160–161; Предтеченский А. В. Указ. соч. С. 113–117; Окунь С. Б. Указ. соч. С. 137–138; Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. С. 54–57; Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Око государево. Российские прокуроры. XVIII век. С. 240–241; Державин Г. Р. Указ. соч. С. 226; Писарькова Л. Ф. Указ. соч. С. 483.

[51] Извлечения из заседаний. С. 47–48.

ским. Основное отличие – Зубов предлагал обратить Сенат в «законодательное собрание» (то есть фактически в парламентское учреждение). Строганов пишет, что «император высказался в пользу идей последнего». Заметим, что 5 августа Александр Павлович вроде бы разделял мнение Павла I и своих друзей, что Сенат должен стать лишь высшей судебной инстанцией. Видимо, император колебался. Новосильцов и Строганов сослались на Ф. С. Лагарпа, чье мнение «по сему предмету согласовалось с их собственным». На это император сказал, что Лагарп «не хочет, чтобы я отказался от власти». Вот, как Н. К. Шильдер представляет взгляды Лагарпа образца августа – сентября 1801 г.: он стал остерегать Александра I «от призрачной свободы народных собраний» и против «либеральных увлечений»; он убеждал своего бывшего ученика дорожить своей властью и выступал против расширения прав Сената. Друзья вновь начали уговаривать Александра Павловича не давать Сенату законодательной власти. Строганов пишет, что император согласился с этим, «но стоял твердо за вручение Сенату исполнительной власти». В ответ оба друга стали предостерегать государя, чтобы он не связывал себя и не отдавал «ответственность» в руки многих лиц (лучше было бы отдать часть «ответственности» кому-то одному) и т. д. Особенно нажимать на своего августейшего визави Строганов и Новосильцов не стали, чтобы он «не заупрямился», и решили прекратить возражения. В конце концов, Александр I поручил обоим составить соответствующий проект[52].

[52] Там же. С. 48–49; Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 92; Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 2. С. 48–49; Семевский В. И. Указ. соч. С. 161–163; Предтеченский А. В. Указ. соч. С. 119; Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. С. 57.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.